

Б. ТОМАШЕВСКИЙ

ПУШКИН

**СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО
ИЗУЧЕНИЯ**

**КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ
ТРУДОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
„ОБРАЗОВАНИЕ“
ЛЕНИНГРАД
1925**

Типография имени Володарского, аренд. „Красной Газетой“,
Ленинград, Фонтанка, 57.

Ленинградский Гублит № 22654.

Напечатано 3000 экз.—4.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Работы, посвященные изучению Пушкина, непрерывно появляющиеся за последние годы, свидетельствуют, что интерес к Пушкину не ослабевает как в научной среде, так и в широких кругах читателей. За последнее время, в связи с появлением новых течений в области историко-литературных изучений, и литература о Пушкине не столько расширяет и углубляет прежние изыскания, сколько занимается пересмотром старого и постановкой новых проблем. Естественно, что у читателя является необходимость какнибудь ориентироваться в этой литературе. Этой цели можно было бы достичь путем систематического библиографического обзора; такой обзор уже существует: это „Пушкинская Студия“ Н. К. Пиксанова, вышедшая в двух изданиях; работа эта связывает современную литературу о Пушкине с главнейшими научными достижениями XIX века.

В настоящей работе библиографированию отведено мало места: полная библиография „Пушкинианы“ последних лет или превратилась бы в сухой перечень или чрезвычайно разрослась бы.

Здесь избран иной путь: настоящий обзор посвящен не книгам и исследованиям о Пушкине, а тем пробле-

мам, которые возникли или особенно остро выдвигались в новой литературе. Настоящая работа имеет целью ввести читателя в круг интересов, характерных для современного Пушкиноведения. При этом мне казалось необходимым не только указать на основные проблемы изучения Пушкина, но точно также наметить, по возможности, и направление, в котором следует искать разрешения этих проблем.

Издания Пушкина.

Так как основой изучения поэта являются его произведения, то совершенно естественно, что установление текста является до некоторого предела первой научной задачей, возникающей перед исследователем. Говорю до известного предела потому, что во-первых — мелкие детали текста являются уже узко текстологической задачей, имеющей слабое значение в познании творчества, а во-вторых — подчас самое установление текста требует параллельных изысканий в области языка, поэтики и биографии автора.

Совершенно естественно, что в наши годы обновления научного интереса к Пушкину в первую очередь был выдвинут вопрос о текстах поэта, и изысканиям в этой области посвящено больше всего труда.

Проблема текста распадается на ряд более мелких проблем, из которых каждая обладает своими специфическими методами работы и преследует свои научные цели. Таковы автономно стоящие задачи 1) изучения первоисточников всего литературного наследия Пушкина, 2) проблема издания сочинений Пушкина, 3) вопрос, (мо-

жет быть и частный) об установлении принадлежности Пушкину дошедших до нас произведений. Правда — эти частные изучения текста Пушкина во многом взаимно пересекаются. Тем не менее возможно трактовать их отдельно.

В первую очередь остановимся на вопросе об изданиях Пушкина.

При жизни своей Пушкин не был полностью издан. Собственно говоря, он даже не приступил к изданию полного собрания своих произведений.

Для ознакомления со всем материалом вышедших при жизни Пушкина в печати его произведений следует обращаться к книге, ставшей настольным справочником у каждого, изучающего Пушкина. Это — „Пушкин в печати“, коллективный труд Сиявского и Цявловского, появившийся в 1913 году. Этот классический в своем роде библиографический указатель дает полный перечень всего пушкинского наследия, напечатанного при жизни поэта.

Произведения Пушкина печатались первоначально в журналах и альманахах. Более крупные вещи выходили отдельными изданиями. К мысли собрания своих произведений (в то время речь шла о лирике, т. к. большие произведения еще не появились) Пушкин пришел еще в 1820 г., до ссылки, но осуществил эту мысль только в 1826 году, когда появились „Стихотворения Александра Пушкина“ с предисловием издателей, в котором уже намечено издание „в особенной книжке его поэм“.

Подготовка к этому изданию довольно характерна для работ Пушкина над своими изданиями, а потому я несколько остановлюсь на ней ¹⁾.

Пушкин находился в ссылке в Михайловском. Его представителями по литературным делам в Петербурге были — брат его Лев Сергеевич и Плетнев. Идея издания стихотворений была, как сказано, старой: — перед ссылкой на юг Пушкин передал подготовленную тетрадь Всеволожскому (отчасти проиграв ее ему в карты), но последний не приступил к изданию. Затем велись переговоры с Лобановым, Я. Толстым, но безуспешно. Наконец, в 1824 г. (в Михайловском) Пушкин стал тщательно готовиться к изданию своих мелких стихотворений, состав которых слагался из „элегий, посланий и смеси“ (3 первоначальных раздела сборника), и принял меры к возвращению тетради Всеволожского. Однако тетрадь эта попала в руки брата лишь в марте 1825 г., когда Пушкин, не дождавшись ее, начал переписывать элегии свои для издания. Вскоре рукопись Всеволожского была доставлена, и Пушкин наскоро присоединил кое-что из этой рукописи к уже начатой им перепиской тетради. Тетрадь эта, ныне принадлежащая гр. Капнисту, представляет собою отчасти переписанные стихи, отчасти лишь программу издания, с указанием названий стихотворений.

¹⁾ История первого издания изложена Клеманом в статье „Текст лицейских стихов Пушкина“ („Пушкинский сборник памяти проф. С. А. Венгерова“ Гос. Изд. 1923 г.). В статье есть мелкие ошибки, напр., о мнимой полноте Капнистовской рукописи. Ясно, что из тетради Капниста кое-что утрачено.

Состояла она из отделов: „Элегии“, „Подражания древним“, „Послания“, „Смесь“, „Эпиграммы и надписи“. Тетрадь Капниста ныне недоступна изучению, т. к. местонахождение владельца ее неизвестно, описание же ее дано покойным академиком Майковым („Известия Отделения русского языка и словесности Ак. Наук, т. I, 1896 г., кн. 3 стр. 574—581), по которому и можно реставрировать тетрадь. (В 1896 году, когда сделано описание Майкова, из тетради отсутствовали листки, заключающие в себе 1 элегию и начало Посланий; кроме того листки сшиты в беспорядке).

По этой тетради брат изготовил копию. Т. к. поэт предоставлял все права своим представителям на перестановку, сокращения, дополнения и т. п., то изготовленная копия не совсем соблюдала порядок Пушкинской программы. Распоряжались здесь Плетнев и Жуковский. Состав этой тетради таков: „Элегии“, „Разные стихотворения“ (то, что у Пушкина „Смесь“ — слово им самим забракованное), „Эпиграммы и надписи“, „Подражания древним“, „Послания“. Кроме того выделены из смеси „Подражания Корану“. Получилась некоторая пестрота (ибо, напр. „Подражания древним“, органически примыкающие к „Элегиям“, оказались отделены от них „Смесью“ и „Эпиграммами“. Порядок каждого отдела изменен. Тетрадь эта не дошла до нас. Известна она по оглавлению, пересланному Пушкину Плетневым при письме от 26 сентября 1825 г. (см. Академическое издание Переписки Пушкина, т. I, стр. 293) и по нескольким отдельным замечаниям Анненкова, имевшего ее в руках

(Сочинения Пушкина 1855 г. том II, стр. 31, 97, 151, 153, 154, 187). Рукопись эта в сентябре поступила в цензуру, затем после разрешения была переслана Пушкину, на просмотр, при чем ряд стихотворений он из нее исключил и сделал незначительные перестановки (исключено 10 стихотворений, прибавлено 2 и сделана 1 перестановка в „Подражаниях древним“).

Следует отметить, что в Капнистовской тетради Пушкиным были датированы „Элегия“, „Послания“ и „Смесь“. Оставлены без дат — „Подражания древним“ и „Эпиграммы и надписи“. Также сделано и в тетради-копии.

В издании 1826 г. продатированы также и „Подражания древним“. Остались без дат только „Эпиграммы и надписи“.

Так как в тетради Льва Сергеевича были включены в соответствующие отделы также некоторые стихотворения, не помещенные в Капнистовской тетради, то много годов составители по выражению Плетнева, „ставили наобум“.

Кое-какие из этих дат Пушкиным переправлены, но вероятно не все, т. к. возможно, что Пушкин и не имел под руками точных дат и не помнил их.

Так или иначе — „Стихотворения“ появились (около 30 декабря 1825 г., но с датой 1826). Основная идея Пушкина — распределение по жанрам, была сохранена, — но детали распределения материала весьма неточно передают замысел Пушкина. За то довольно тщательно просмотрен текст. Пушкин писал об этом: „кое-где ошибки, это в фальшь не ставится“.

Это распределение по жанрам свидетельствует о живой еще связи поэтики Пушкина с классицизмом. Точное определение лирических „родов“ показывает, насколько эти классические роды еще ощущались поэтом. Композиция сборника 1826 г. тесно связывает поэта с классической традицией.

Через три года потребовалось новое издание. О нем Пушкин задумывался еще в 1827 году, когда в конце апреля сделал предварительный список стихотворений, не вошедших в издание 1826 г.: ¹⁾. При этом же списке позднее сделан и приблизительный подсчет дополнений к изданию: 6 элегий, 5 капитальных пьес, 14 лирических, 5 посланий, 17 мелочей и 1 перевод (очевидно — из Мицкевича „Сто лет минуло, как тевтон“ — стихотворение 1828 г.; отсюда можно заключить, что подсчет сделан примерно в мае 1828 года).

Этот подсчет, равно как и расположение стихотворений в списке, показывают, что Пушкин по-прежнему предполагал классифицировать стихи свои по жанрам. Характерно совпадение жанров с лицейским списком, где фигурируют „Послания“, „Лирические стихотворения“, „Пьески“, „Элегии“, „Эпиграммы и надписи“ и „Картины“.

¹⁾ Издание 1826 г. разошлось в несколько дней и уже в конце февраля 1826 г. Плетнев предлагал приступить к переизданию. Но Пушкин отклонил это предложение, т. к. имел в виду печатать свои незаданные крупные произведения: „Цыгане“, „Братья Разбойники“, „Граф Нулин“, „Борис Годунов“ и новые главы „Онегина“.

В мае 1828 года им сделан более полный список (52 стихотворения против 48-и стихотворений подсчета и 26-ти — списка 1827 года), причем и этот список размечен по жанрам: нуликом отмечены элегии — 6 стих., крестиком — капитальные пьесы — 5 стих., волнистой линией — Послания — 7 стих., чертой — лирические — 14 стихотворений, и остальные, преимущественно мелочи, 21 стихотв. оставлены без значка, в том числе и перевод из Мицкевича. Цифры близки к приведенному подсчету, особенно, если считать не по стихотворениям, а по строкам списка: иногда в одну строку Пушкин заносил несколько стихотворений, что мог не заметить при подсчете. Считая по строкам, мы получаем почти точное совпадение с цифрами подсчета ¹⁾.

Однако влияние века перевесило классические навыки. Смещение лирических жанров, произошедшее за 20-е годы, решительный отход от традиционного классицизма заставил Пушкина отказаться от деления на жанры и придать иную форму своему сборнику стихотворений. Вышедшие в мае и июне 1829 г. две части „Стихотворений Александра Пушкина“ дают стихи в хронологическом порядке, знаменующем решительный отказ от классических жанров и подчеркивающим лирическую эволюцию поэта. Части эти содержат стихотворения с 1815 по 1828 г. и одно стихотворение 1829 года.

Что касается распорядка стихотворений внутри каждого года, то здесь любопытна механичность подбора.

¹⁾ См. приложения в конце книги.

Пушкин просто взял сборник 1826 года и перепечатывал стихи каждого года в том порядке, в каком они находились в первом сборнике. Таким образом, в пределах каждого года последовательно располагались стихотворения из отделов: „Элегии“, „Разные стихотворения“, „Подражания древним“, „Послания“. Новые стихотворения, не помещенные в издании 1826 г., присоединялись к прежним в конце каждого года. Таким образом, внутри годов хронология не соблюдалась, и получилась смесь между распределением по жанрам и случайным распределением — по времени включения в сборник.

Что касается „Эпиграмм и надписей“ не датированных Пушкиным, то так же без дат остались они и в издании 1829 г., причем были помещены в конце II части под заголовком „Разных годов“. Таким образом, стихотворения разных годов 1829 года — это тоже, что „эпиграммы и надписи“ 1826 г. (различие — в порядке, который в этом отделе, не в пример прочим, сильно изменен, и в конце прибавлено 4 новых стихотворения того же жанра).

Что касается до порядка стихотворений в годах, отсутствовавших в издании 1826 г. (1826 — 1828), то здесь никакого принципа подметить нельзя, кроме того, что год всегда начинается с наиболее значительного стихотворения (1826 — „Пророк“, 1827 — стансы „В надежде славы и добра“, 1828 — „Чернь“).

В общем — от механической выборки по порядку стихов из сборника 1826 года имеются только два отступления — и в этих отступлениях ясно выразился ли-

берализм Пушкина. Так — первым стихотворением первой части, вопреки порядку 1826 г., является „Лицинию“, с пламенным заключением:

„Свободой Рим возрос, а рабством погублен“.

Точно также вторая часть, опять вопреки механическому порядку, начинается со стихотворения „Андрей Шенье“, которое Пушкин считал политически окрашенным. Так при известии о смерти Александра I, он писал Плетневу: „Душа, я пророк, ей богу пророк. Я Андрея Шенье велю напечатать церковными буквами во имя отца и сына“. Когда Плетнев, по распродаже первого издания извещал Пушкина, что в случае переиздания — не все будет пропущено, Пушкин сейчас же подумал о Шенье: „Ты говоришь, мой милый, что некоторых пьес уже цензор не пропустит; каких же? Андрей Шенье?“ Напомню, что при жизни Пушкина стихотворение это печаталось с цензурными сокращениями, и изъятые из него стихи, распространившись в списках, причинили много хлопот Пушкину в 1828 г., когда он привлекался в судебном разборе дела об их распространении.

Быть может тем же либерализмом объясняется и постановка среди стихотворений „разных годов“ на первое место „Птички“ („В чужбине свято соблюдаю“)...

Что же касается до текста стихотворений, то по сравнению с изданием 1826 г. мы находим здесь значительные изменения, иной раз коренную переработку отдельных произведений.

Эти 2 части стихотворений 1829 г. при жизни Пушкина уже не переиздавались.

Это собрание Пушкин продлил третьей частью, вышедшей в 1832 году. Как и для издания 1829 г. Пушкин начал со списка предполагавшихся к изданию стихотворений. Список этот он начал в 1830 г. и вел его до конца августа 1831 г. Впоследствии он был переделан, причем несколько сокращен. На перебеленной копии были проставлены даты. Этим списком руководствовался Пушкин при изготовлении рукописного экземпляра третьей части стихотворений. Экземпляр этот дошел до нас (он прежде находился у В. Гаевского, от которого поступил в лицейский музей и ныне хранится в „Пушкинском Доме“). Он представляет собой большую тетрадь, исписанную разными почерками, причем несколько стихотворений переписано Пушкиным (эти автографы воспроизведены в издании Олега Константиновича „Рукописи Пушкина“). Тетрадь эта дает окончательную форму сборника. Печатный текст отличается от нее лишь незначительными опечатками. Принцип расположения материала тот-же, что и в издании 1829 г. Вошли стихотворения 1829 — 1831 г., а также „стихотворения разных годов“. Порядок стихотворений в пределах каждого года никаким ясным принципом не определяется, но стихи, близкие между собой по теме, сгруппированы вместе. Так, сборник начинается 7-ю под ряд напечатанными стихотворениями из Кавказских впечатлений поэта. Так же под ряд напечатаны 5 гекзаметров 1830 года. Принцип отбора стихотворений менее

выдержан, чем в изд. 1829 г.: в третью часть включены и такие большие произведения, как „Пир во время чумы“ (1830 г. шестое по порядку), „Моцарт и Сальери“ (четырнадцатое произведение 1830 г.), „Сказка о царе Салтане“. Хронологической последовательности внутри годов не замечается.

Стихотворения разных годов существенно отличаются от соответствующего отдела второй части. На половину— это стихотворения, написанные до 1828 г. включительно, т. е. такие, которые должны были бы быть включены в первые две части, но почему то туда не попали. Стихотворения эти датированы. Оставлено без дат 5 стихотворений (даты зачеркнуты в тетради), причем мотивы этого отсутствия дат не ясны. Порядок стихотворений этого отдела — хронологический.

Таким образом, третья часть печаталась по образцу первых двух, с небольшими отклонениями от принципов их построения.

Последняя — IV-я часть стихотворений вышла в сентябре 1835 г. Это — нечто совершенно отличное от первых трех частей. Здесь собраны ничем не объединенные произведения, в полном беспорядке, отчасти датированные, отчасти нет. Сюда кроме 8 сравнительно небольших стихотворений вошли 3 сказки и „Песни Западных славян“. Сборник по своему составу случаен, и как будто бы печатался на спех.

Этим закончилось при жизни Пушкина собрание его стихотворений.

Все четыре части он предполагал переиздать в не-

измененном виде. Сохранился экземпляр этих четырех частей, разрешенный к новому изданию (цензурная пометка 2 декабря 1836 года). Никаких изменений в этот экземпляр Пушкиным не внесено, кроме исправления двух опечаток в „Сказке о Рыбаке и Рыбке“. Очевидно, условия жизни в это время не позволили Пушкину придать изданию более цельный вид. В том виде, как оно есть — части эти между собой не гармонируют.

Проще дело обстоит с изданием поэм. Каждая из поэм обыкновенно по несколько раз печаталась при жизни Пушкина в отдельных изданиях и в альманахах („Руслан и Людмила“ два раза, причем второе издание 1828 г. существенно отличается от первого 1820 г., „Кавказский пленник“ 3 раза, причем второе издание представляет собой контрафакцию, изданную помимо воли Пушкина, „Бахчисарайский Фонтан“ 3 раза, „Граф Нулин“ 2 раза и т. д. Все поэмы были объединены в двух частях „Поэм и повестей“, вышедших в 1835 г. I часть — „Руслан Людмила“, „Кавказский Пленник“, „Бахчисарайский Фонтан“, II-я часть — „Братья Разбойники“, „Цыганы“, „Граф Нулин“, „Полтава“, „Домик в Коломне“, „Анджело“). Текст этого издания представляет собою перепечатку последних изданий поэм, без сколько-нибудь значительного просмотра. Кое-что поправлено, но много опечаток осталось. Расположение поэм хронологическое, за одним исключением: „Братья Разбойники“ напечатаны после, а не раньше „Бахчисарайского Фонтана“ — вероятно, из технических соображений (чтобы обе части были приблизительно равны

по объему. При распределении материала, как это видно из бумаг Пушкина, он постоянно исходил из числа стихов произведения).

Подверглась собиранию также и художественная проза Пушкина: в 1834 году появились „Повести, изданные Александром Пушкиным“, куда вошли ранее изданные „Повести Белкина“, „Пиковая Дама“ и отрывки из „Арапа Петра Великого“. Хотя при этом текст перепечатываемых произведений и подвергся легкому исправлению, но в общем перепечатка происходила настолько механически, что под „Пиковой Дамой“ была перепечатана даже подпись „Р“, с которой повесть эта в первый раз появилась в „Библиотеке для Чтения“.

Не объединены остались драматические произведения (отдельно издан „Борис Годунов“ в 1831 г., 2 пьесы вошли в 3-ю часть стихотворений, 1—в „Современник“ 1836 г.); „Евгений Онегин“ издавался только отдельно (три раза).

Перечисленные издания далеко не исчерпывают всех произведений Пушкина, предназначавшихся им для печати. Не говоря уже о том, что такие вещи, как „Каменный Гость“ и „Медный Всадник“ (последний вследствие запрета Николая I, вообще не увидели света при жизни Пушкина (из больших, но неоконченных произведений сюда же следует отнести „Арапа Петра Великого“, „Русалку“, „Дубровского“), много было им опубликовано в журналах после выхода в свет собрания (например, в „Современнике“, „Капитанская дочка“ и „Скупой Рыцарь“).

Желая объединить все свои произведения в одном издании, Пушкин еще в 1828 г. задумал собрание поэм и стихотворений. Для этого им, как всегда, был составлен список произведений. Список этот им неоднократно переписывался и в 1830 г. принял форму четырехтомного издания, к которому в 1833 г. присоединен проект 5-го тома. В издание входили только стихотворные произведения (ибо в 1830 г. у Пушкина еще не было сколько-нибудь значительного количества прозаических произведений: „Повести Белкина“ относятся к концу года, а ранее написанный „Арап Петра Великого“ не был доведен до конца). Вот Пушкинская планировка издания: Том I „Руслан и Людмила“, „Кавказский Пленник“, „Братья Разбойники“, „Бахчисарайский Фонтан“. Том II „Цыганы“, „Граф Нулин“, „Полтава“, „Домик в Коломне“. Том III „Борис Годунов“, „Драматические сцены“, „Мелкие стихотворения“. Том IV „Евгений Онегин“. Том V „Анджело“, „Медный Всадник“, „Сказки“. На этот план, понятно, следует смотреть как на предварительный (например, только в 1830 году можно было думать об объединении в один том драматических произведений и стихотворений; затем том V—1833 г. — понятно, должен следовать за вторым. Тома весьма не равны по объему).

Однако, в этот план-завещание не мешало бы заглядывать каждому издателю сочинений Пушкина ¹⁾.

¹⁾ Этот план (Майковского Собрания) следует пополнить по плану Рум. Муз. № 2374 л. 20, относящемуся к 1833 году, куда введены сверх названного — «Повести», «Пугачев» и «роман» („Капитанская дочка“).

Распланированное таким образом издание не появилось ни при жизни Пушкина, ни после его смерти. Из этого плана мы видим, что совмещение в третьей и четвертой части „Стихотворений“ лирики с драматическими произведениями и сказками вызывалось техническим требованием наполнения тома и невозможностью отдельного издания этих произведений за их малым количеством. На самом деле Пушкин мыслил свою драматургию и сказочный эпос как жанры, существенно отличные от лирики и требующие выделения. Классификация Пушкина вполне ясна: 1) стихотворные поэмы и повести, 2) роман в стихах „Евгений Онегин“, 3) драматические произведения, 4) сказки, 5) лирика. Этот список следует пополнить не вошедшей в план прозой. Хронологический порядок допускался лишь в пределах каждого жанра, причем в лирике каждый „год“ не представлял собой исчерпывающего подбора стихотворений: все менее значительное выносилось за пределы „годов“ в особый класс стихотворений „разных годов“.

Первое издание типа „полных собраний“ появилось вскоре после смерти Пушкина. Распоряжался этим изданием Жуковский. Оно было задумано в качестве восьмитомного, причем сперва придерживалось почти исключительно круга художественных произведений, опубликованных самим поэтом. Эти первые восемь томов появились в 1838 году. К ним было присоединено 3 дополнительных, изданных в 1841 году и содержащих преимущественно рукописное наследие Пушкина.

Издание это сразу нарушило традицию Пушкинских прижизненных изданий. Так—стихотворения были разбиты на множество мелких лирических жанров, весьма сбивчивых и неточных. Текст брался то по изданиям стихотворений и поэм, то по журналам и альманахам (очевидно—обширный печатный материал был или разрезан на кусочки, или роздан для скорости нескольким переписчикам). Полноты это издание не достигло и после 3-х дополнительных томов; хотя бы полноты, доступной по печатным источникам того времени. Рукописное наследие было использовано весьма свободно. Жуковский редактировал, компоновал произведения, причем не слишком внимательно изучил состав дошедших до него рукописей (пометки и исправления Жуковского сохранились в автографах Пушкина). Произведениям Пушкина давались произвольные названия, которые удержались до нашего времени (напр. „Галуб“ и много заголовков стихотворений).

Критика неблагоприятно встретила это издание, однако, в течение 15 лет это было единственное собрание сочинений Пушкина.

В 1855 г. вышло фундаментальное издание, отредактированное П. В. Анненковым (6 томов, из них 1—„материалы для биографии Пушкина“. В 1857 г. вышел седьмой, дополнительный том).

Это издание является первым критическим изданием сочинений Пушкина. Анненков основательно изучил библиографию произведений Пушкина и почти все его рукописи. К сожалению—изучение это шло в процессе

издания; в основу же текста легло посмертное издание, к которому Анненков относился с излишней доверчивостью и исправлял лишь самые очевидные промахи.

Анненков значительно расширил круг произведений, включаемых в собрание. Будучи, однако, связан типом *собрания сочинений*, а не *сборника документов*, он не задавался целью воспроизведения всего рукописного фонда Пушкина, и лишь использовал его довольно широко в своих „Материалах для Биографии“, где привел в сводной, приблизительной редакции много стихотворных отрывков, извлеченных из рукописного наследия.

В расположении материала Анненков придерживался деления на большие жанры (лирика, поэмы, драматические произведения, проза), а внутри каждого—давал хронологическую последовательность. Впрочем—внутри каждого года он располагал стихотворения довольно беспорядочно.

Анненковское издание тоже вызвало упреки в неполноте, на которые он отвечал в самом собрании сочинений. Пополнять круг собранных им произведений принялись „Библиографические Записки“, где было (особенно в 1858 году) напечатано много неизданного из наследия Пушкина.

Издание Анненкова было перепечатано в двух изданиях Геннади (1859—60 и 1869—71 г.г.). Эти издания представляют собой воспроизведение текста Анненкова, с дополнениями и некоторой перетасовкой материала. Издания эти успеха не имели и к ним относились пре-

небрежительно, может быть, и не справедливо. Начиная со второго издания Геннади (вышедшего при новых цензурных условиях), начинается медленное раскрепощение текста Пушкина от цензурных искажений. Следует заметить, что Анненковское издание выходило в чрезвычайно неблагоприятных—в цензурном отношении—условиях: даже произведения, напечатанные при жизни Пушкина, подвергались урезкам и искажениям.

С 1880 г. начинается редакторская работа над Пушкиным П. А. Ефремова. Им редактировано собрание соч. 1880 г. (Исаковское), 1882 г. (Анского), 1887 г. (Комаровское—повторено в 1900 г.) и, наконец, 1905 г. (Суворинское). Именно Ефремовым в его первых изданиях установлен принятый ныне „канон“ Пушкинского текста. Принцип „полноты“ торжествовал во всю. Началось внедрение в круг законченных произведений черновых набросков, заполнение законченных произведений извлечениями из черновых редакций и т. п. Произведения были на ново перетасованы, причем Ефремов принял один общий хронологический порядок для всех стихотворных произведений—лирики, эпоса, драмы. И хотя в последнем издании Ефремов и отказался от этого принципа, делающего обращение с изданием крайне неудобным, однако, он был положен в основу программы Академического Издания. В защиту его выдвигался Пушкинский хронологический принцип, будто бы проведенный в его собрании. На самом деле мы знаем, что расположение стихотворений по годам было лишь приемом нейтрализации традиционных классических

жанров, что внутри годов Пушкин не чуждался эстетических мотивов объединения стихов, что внедрение в лирику драм и сказок диктовалось техническими условиями и в плане полного издания должно было быть устранено, — все это не мешало апеллировать к „самому Пушкину“ во всех подобных случаях.

С Ефремовым конкурировал Морозов. Он редактировал издание литературного фонда 1887 г. и позднее — в 1905 г. издание Просвещения. Им же закончен 3-й том Академического Издания и выпущен четвертый.

С 1887 года начинается новая эра в изданиях Пушкина: прекращение авторского права семьи на его произведения. В этот год на рынок было выброшено множество разнообразных изданий, начиная от семитомного издания Литературного фонда и кончая однотомными изданиями (Павленкова, Карцева и др.). Эти издания настолько загроутили рынок, что только в 900-х годах появилась возможность новых полных критических изданий.

Морозов шел по пути, разработанному Ефремовым. Тот же состав изданий, только возврат к делению на большие жанры. Все искажения текста, сделанные Ефремовым, Морозов сберег (в этом отношении поучительна история текста „Домика в Коломне“, рассказанная М. Л. Гофманом при отдельном издании этого произведения 1922 г.). Он пополнял и отчасти проверял старые тексты по рукописям, но тщательного исследования рукописей не делал, работы непосредственных своих предшественников никогда не проверял. Благо-

даря шумной рекламе и умелой демонстрации некоторых несомненных улучшений текста, издание Литературного Фонда сразу приобрело авторитет—настолько что даже ярый антагонист Морозова — Ефремов—усиленно пользовался им (а также и изданием Просвещения) в своем последнем издании.

При всей хаотичности работы Ефремова и Морозова, окончательно затемнившей и запутавшей тексты и состав Пушкинских произведений, мы должны им быть благодарны за большую библиографическую работу, проделанную ими. Так, издание Просвещения остается до сих пор наиболее удобным для наведения справок и для разведок в области текста.

Вслед за изданием 1905 г. стало выходить большое издание Брокгауза и Ефрона под редакцией С. А. Венгерова. Главной особенностью этого издания было вряд ли осуществимое намерение редактора дать Пушкинскую энциклопедию. Тексты Пушкина перебиваются пояснительными статьями, весьма разноценными и в общем хаотическими. Несколько ценных работ, напечатанных в этом издании, заставляют обращаться к нему постоянно, но они не искупают общего беспорядка, нестроенности, непропорциональности и случайности всего комментария. Что касается до текста, то Венгеров серьезно принялся за перепроверку всех произведений по первоисточникам, но, не обладая высоким текстологическим критицизмом, не достиг должных результатов. Текст Венгерова — весьма ненадежен. Порядок дан общий хронологический. В своем стремлении к полноте—этой

язве всех изданий Пушкина—Венгеров стремился к регистрации всех отдельных произведений Пушкина,—но, не доведя дела до конца, не дал вариантов, которые иногда представляют цельные куски, значительно более интересные, чем отрывочные черновые строки.

Совершенно особо надо говорить об Академическом Издании. Начатое более 30 лет тому назад оно доведено только до IV тома (по 1827 г. Особо вышел IX том— „История Пугачевского бунта“). При такой медленности—естественно оно лишено единства принципов. Начато оно было единолично Л. Н. Майковым. Первый том, содержащий лицейскую лирику, вызвал обширную литературу (особенно следует упомянуть книгу В. Брюсова „Лицейские стихи Пушкина“), осудившую избранный редактором принцип давать лицейские стихи не в их ранней редакции, а в позднейшей, послелицейской переработке. Принимая все позднейшие поправки, Л. Н. Майков дал лицейскую лирику в сложном виде: в тексте переплетается стиль Пушкина-лицейста со стилем Пушкина—20-х годов. Поправки Пушкина случайны, коснулись лишь части произведений (впрочем, довольно большой) и часто не доведены до конца. Таким образом получается запутанный текст, вряд ли удобный объект изучения.

После смерти Майкова редакция была поручена специальной комиссии, во главе которой последовательно стояли И. Н. Жданов, А. А. Веселовский, Ф. Е. Корш и Н. А. Котляревский. Протоколы первых заседаний Комиссии—любопытный материал по принципиальной постановке

вопроса о текстах Пушкина—опубликованы в выпусках „Пушкин и Его Современники“. Редакция второго тома была поручена В. Е. Якушкину—и этот том, пожалуй, выгодно выделяется тщательностью работы. Но Якушкин слишком сильно увлекался воспроизведением всех черновых бумаг Пушкина и засорял примечания неудобочитаемыми „транскрипциями“, что вызвало нарекания журнальной критики, и Комиссия решила эти „транскрипции“ прекратить. Однако это решение Комиссии последовательно не было проведено, и в дальнейшем мы видим какие-то перебои—транскрипций все-таки много, но далеко не все черновые варианты даны.

Третий том, начатый Якушкиным, после его смерти закончен Морозовым. Так как редакционные принципы их различны, то в результате получилась не совсем гармоническая работа. Четвертый том редактирован единолично Морозовым. Очевидно, личная утомленность редактора, переобремененного различными государственными занятиями, утомленность Комиссии, которая, доверившись Морозову, совершенно не контролировала его работы (корректурa IV тома членами Комиссии не просматривалась), причинили то, что этот том вышел крайне неряшливым, небрежным, недостоверным. Текст его не заслуживает совершенно доверия, комментарии поверхностны и ошибочны, варианты не полны и не точны. Это—самый неудачный том Академического Издания.

Сейчас издание прекратилось (будем надеяться, что временно). Больше чем на половину набран том критической прозы (ред. Н. К. Козмина), но материальные условия

препятствуют выходу его в свет. Что касается до остальных, то, вообще говоря, к ним и не приступали работать.

Упомяну еще об одной незаконченной попытке издать сочинения Пушкина. Это собрание сочинений Пушкина под редакцией В. Брюсова. Издание прекратилось на первом полутоме, содержащем всю лирику Пушкина.

Редактор проделал громадную предварительную работу по библиографированию источников текста Пушкина. Здесь мы имеем наиболее полное собрание лирики. Но, к сожалению, выполнено издание не так, как мы могли бы этого ожидать от одного из лучших знатоков Пушкина; дефекты издания вызвали резкую его критику.

Упомяну для полноты перечня о предпринятом ныне Ленинградским Государственным Издательством собрании сочинений Пушкина, выпускаемом в виде брошюр, содержащих отдельные произведения Пушкина (изданы: „Каменный Гость“ с приложением истории текста, „Дубровский“, „Повести Белкина“, „Полтава“, „Поэмы 1821—24 г.г.“, „Борис Годунов“, „Домик в Коломне“ и „Граф Нулин“, „Драматические сцены“, две части „Стихотворений“, однотомное издание избранных произведений Пушкина). Принципом издания являлось возможно более близкое, но критическое воспроизведение первоисточника (издания или автографа, смотря по случаю). В оценку издания не вхожу, т. к. являюсь участником в его редакции.

Из обзора этих изданий мы видим, что самый тип издания сочинений Пушкина эволюционировал от прижизненных изданий до Академического. От первых изда-

ний для чтения — каким еще является посмертное и Анненковское — мы приходим к традициям Ефремова-Морозова, дававших „полные“ сводки всего рукописного и печатного материала, сводки, приближавшиеся к типу документальных собраний всего, написанного Пушкиным, сводки, в которых исчезал эстетически-литературный объект издания. Принцип полноты истолковывался не только в смысле введения в круг произведений, за которые Пушкин принимал на себя полностью ответственность, также и его черновых упражнений, — но и в смысле дополнения законченных произведений вставками из рукописей, нарушавшими композицию произведений. Вообще — понятие композиционного единства произведений совершенно отсутствовало в текстологической работе. В лучшем случае задумывались об узко-текстовой исправности отдельных фраз, отдельных стихов. Но композиция произведения — никого не интересовала.

Жуковский, не задумываясь, перекроил главы Дубровского, нелепость расположения материала в „Истории села Горюхина“ никого не тревожила, бессмыслица введенных в „Домик в Коломне“ строф не обращала на себя внимания. Да и трудно требовать понимания композиции от людей, все время копающихся в бесформенных черновиках, не сведенных, фрагментарных, беспорядочных. „Полнота“ приглушила ощущение художественного значения изучаемого материала.

И Академическое Издание просто сделало естественный вывод из эволюции изданий Пушкина. Вообще не научными задачами выдвинут тот принцип хаотического

нализывания „в хронологической последовательности“ бесформенных фрагментов. Это лишь—доведенная до предела традиция.

Приведу два прримера искажений Пушкинского текста, явившихся в результате обычных приемов работы по рукописи.

Стихотворение „К Овидию“ сохранилось в автографах Пушкина в двух редакциях. В первой оно оканчивалось так :

Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе,
Но не унижил век изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Во второй редакции конец значительно изменен :

Как ты, враждующей покорствуя судьбе,
Не славой, участью я равен был тебе.
Здесь, лирой северной пустыни оглашая,
Скитался я в те дни, как на брега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал :
И не единый друг мне в мире не внимал ;
Но чуждые холмы, поля и рощи сонны,
И музы мирные мне были благосклонны.

Рукопись второй редакции долгое время была вне поля изучений (ныне она—в рукописном собрании Академии Наук). Но редакция эта была принята Пушкиным в печати и долгое время исправно воспроизводилась издателями (вплоть до Геннади). Но вот в „Библиографических Записках“ 1858 г. сообщается „вариант двух последних стихов“ по рукописи первой редакции.

Но не унижил ввек изменой беззаконной
Ни гордость совести, ни лиры непреклонной.

Этого достаточно, чтобы Ефремов механически зачеркнул два последних стиха общепринятой редакции—и заменил их этим „вариантом“, упуская из виду, что этим стихам соответствовало не 2, а 6 стихов второй редакции. Получилась нелепая сводка:

Здесь, лирой северной пустыню оглашая,
Скитался я в те дни, как на берега Дуная
Великодушный грек свободу вызывал:
И ни единый друг мне в мире не внимал,
Но не унижил ввек изменой беззаконной
Ни гордой совести, ни лиры непреклонной.

Эта редакция удержалась во всех изданиях, в том числе и в Академическом.

На другом примере позволю остановиться подробнее: это издание „Истории села Горюхина“.

„Историю села Горюхина“ Пушкин принимался писать дважды. Сперва он начал, от лица Белкина, писать автобиографию автора, но вскоре бросил ее и принялся за новую редакцию, перерабатывая старое. При этом в новой рукописи он широко пользовался прежней редакцией, но вместо того, чтобы переписывать целиком места из первой редакции обозначал лишь первыми словами соответствующие абзацы и зачеркивал в старой рукописи то, что должно было быть внесено в новую. Таким образом, эта рукопись своим внешним видом показывает, что в ней использовано для окончательной редакции, и что отпало, в виду переработки самой

компановки текста. Эта первая рукопись по инвентарю Румянцевского Музея значится под № 2387-В листы 13 и 14.

Главная (окончательная) рукопись по использованию всех фрагментов, извлеченных из старой редакции, развивает дальнейшую историю, доводя ее до времени приезда приказчика. Здесь рукопись обрывается. Состав этой рукописи следующий—1 лист—обложка, 5 листов, содержащих автобиографию и перечень источников, с датой в конце 31 октября (бумага 1829 и 1830 г.), 2 листа исписанных теми же чернилами, содержащие этнографический и статистический очерк Горюхина, датированные 1 ноября (бумага 1827 года), 2 листа, исписанных другими чернилами, содержащие начало истории под названием „Баснословные времена“, без даты (бумага 1827 года).

При сшивке бумаг жандармы, регистрировавшие их, по ошибке переложили два последних листа между первыми 5-ью и следующими двумя: таким образом „Баснословные времена“ и „Этнографическое описание“ поменялись местами. Последнее перестало быть введением, попав в самое историческое изложение.

Так—путем жандармской регистрации определилась композиция Пушкинского произведения.

Наследники Пушкина, опубликовавшие „Историю“ в „современнике“ 1837 г. и в посмертном издании, сделали следующие ошибки:

- 1) Сохранили жандармскую композицию.
- 2) Не разыскали тетради с первоначальной редак-

цией и пропустили все фразы, которые должны были быть перенесены в последнюю редакцию из первой.

3) Поставили произвольные заголовки и изменили „Горюхино“ в „Горохино“. При этом, чтобы оправдать композиционное положение этнографического очерка в процессе изложения событий, они предпослали ему произвольный заголовок „Времена исторические“. Дефекты текста, обнаруживающиеся благодаря пропуску фраз, не переписанных Пушкиным из первой рукописи, они мотивировали примечанием о том, что рукопись, на которую ссылается Пушкин, потеряна. („Здесь в рукописи недостает нескольких листов, не найденных в бумагах покойного, а, может быть, еще и не написанных“). В тексте они допустили, как обычно делали, ряд промахов и пропусков.

Анненков перепечатал текст посмертного издания под его произвольным заголовком „Летопись села Горохино“. Он лишь слегка подправил текст, сличив его, весьма поверхностно, с рукописью, и заметил, что указание посмертного издания, будто отсутствующие части могли быть не написаны,—не верно, так как в автографе есть совершенно определенные ссылки на другую рукопись. Однако он ее не разыскал.

Разыскана она была Якушкиным, который в своем описании рукописей Румянцевского Музея и опубликовал ее. В изданиях 1887 г. рукопись эта была уже использована (по сообщению Якушкина), но при этом не полностью. Так — пропущено было сообщение о раннем детстве и первом (и единственном) воспитателе Белкина. Были и другие пропуски.

Венгеров в своем издании некоторые из этих пропусков восстановил, однако, первый и самый значительный остался невосстановленным. В наибольшую заслугу себе Венгеров ставил исправление названия Горохино на Горюхино, чему посвятил даже особую статью в своем издании. Однако, во всех изданиях жандармская композиция с мотивировочным заголовком „Времена Исторические“ — сохранена. Венгеров не решился выкинуть этого заголовка и лишь робко поставил его в прямые скобки. Таким образом—до последнего времени мы имели неверный текст Истории с искаженной биографией (начинающейся не с самого начала—а ведь Пушкин пародировал биографический канон) и невразумительной главой об „исторических временах“, в которой нет исторического повествования, а есть лишь упоминание некоторых фактов, принадлежащих эпохе „Баснословных времен“.

Меж тем композиция „Истории“ совершенно ясна: после автобиографического приступа, излагающего историю замысла, дан перечень источников, затем общий этнографический и статистический обзор изучаемой страны, и, наконец, после слов „познакомя таким образом моего читателя с этнографическим и статистическим состоянием Горюхина и со нравами и обычаями его обитателей, приступим теперь к самому повествованию“—после этих слов Пушкин непосредственно переходит к самой Истории, обрываемой на приезде приказчика.

Здесь точно пародируется исторический шаблон, и как и вся часть строго рассчитана. В хаотическом же

расположении матерьялов по жандармскому описанию мы имеем лишь ряд остроумных, но плохо пригнанных одно к другому описаний. С подлинным текстом „История“ можно ознакомиться по одготомному изданию избранных сочинений Пушкина (Ленинградского Госиздата 1924 г., второе издание 1925 г.).

Эволюция текста „История“ характеризует издательские приемы, практиковавшиеся редакторами Пушкина.

Подобные ошибки являются показательными для редакторских приемов, применявшихся в изданиях сочинений Пушкина. Они неизбежны при условии сохранения рутинной традиции установленной в восьмидесятих годах и до сих пор определяющей тип изданий и критику пушкинского текста.

Выходом из тупика является дифференциация изданий. Должны быть выработаны разные типы изданий, и каждое должно строиться по своему принципу. Не может быть универсального штампа „канона“. Должны быть разные издания.

И в первую очередь нам нужно простое „читательское“ издание сочинений Пушкина, издание, имеющее в виду эстетическую форму печатаемого материала. Самым простым для подобного рода изданий было бы воспроизведение Пушкинских авторских изданий, и как общий принцип это и следует выдвинуть. Но понятно — принцип этот должен проводиться с достаточным критicismом, без одностороннего педантизма, и требует внимательного изучения истории Пушкинских изданий для очистки их от всего механического, постороннего (вроде

цензуры или чисто технических издательских соображений). Здесь формулировать отдельные принципы подобной работы неуместно, так как это свелось бы к изложению основ филологической критики текста новых писателей, которые надо развивать не на одном Пушкинском материале.

На ряду с подобными изданиями необходим другой тип изданий — документальных, воспроизводящих источники Пушкинского текста. Здесь, понятно, эстетический объект исчезает. Критика филологическая уступает место палеографическому изучению и стремлению точно, в деталях передать источник. Понятно, впрочем, что подобные издания будут иметь полную научную ценность лишь в том случае, если будут сопровождаться комментарием, где найдет себе место и филологическое обследование источника.

Источники текста.

(Рукописи Пушкина).

В связи с вопросом о документальном издании мы подходим вплотную к следующей проблеме текста — к изучению рукописей Пушкина.

История этого вопроса в общих чертах такова: весь рукописный фонд, находившийся при Пушкине в момент его смерти, вскоре был просмотрен и зарегистрирован жандармами. При этом все бумаги были пронумерованы (красными чернилами) — вот почему большинство автографов Пушкина имеют на себе красную цифру,

которая свидетельствует — находился ли этот автограф в момент смерти у Пушкина, или нет. Затем все бумаги были переданы семье Пушкина и были использованы Жуковским при редактировании посмертного издания. При этом Жуковский не особенно беспокоился о сохранении этих бумаг, некоторые из них раздарил знакомым, а часть оставил у себя. Бумаги, оставшиеся у Жуковского, были переданы его сыном А. Ф. Онегину, и ныне находятся у него в Париже, представляя собой часть собрания, известного под названием „Онегинского музея“¹⁾. Затем те же бумаги были в распоряжении Анненкова для издания 1855 года. Снова часть бумаг осталась в руках Анненкова. Основная часть Анненковских бумаг передана вдовой Анненкова Л. Н. Майкову для академического издания, и ныне хранится в Академии Наук. Это — так называемое „Майковское собрание“. Часть анненковских бумаг Майков передал президенту Академии — К. Р., и эта часть (собрание К. Р.) хранится в Пушкинском Доме. Наконец, часть оставшихся у Анненкова бумаг была разыскана Д. И. Сапсжниковым и опубликована им в книге „Вновь найденные рукописи А. С. Пушкина“ (Симбирск 1899 г.). Часть эта находится в Румянцевском Музее. Наконец, часть пошла в руки И. А. Шляпкина и опубликована в книге „Из неизданных бумаг А. С. Пушкина“ (СПб. 1903) и ныне поступила в Пушкинский Дом.

¹⁾ Онегинский музей приобретен правительством для «Пушкинского Дома».

Однако этим не исчерпывается все, принадлежавшее к основному фонду рукописей, хранившихся у Пушкина; так, недавно разыскано еще порядочное количество Пушкинских бумаг, среди которых — „Материалы к истории Петра I“, которые были в руках Жуковского и Анненкова и затем считались утраченными. Материалы эти готовятся к изданию П. Е. Щеголевым.

Основной фонд бумаг Пушкина был передан сыном поэта Ал. Ал. Пушкиным в Московский Румянцевский музей после устроенной в 1880 г. в Москве Пушкинской выставки (в связи с постановкой памятника Пушкину). Именно в Румянцевском музее (ныне „Всероссийская Публичная библиотека имени В. И. Ленина“) и хранится основная масса Пушкинских автографов. Не мало их также в Публичной библиотеке.

Вообще бумаги Пушкина разбросаны по всему миру (есть в Берлине, в Праге и др. местах), и хранятся они как в музеях и общественных хранилищах, так и у частных лиц. Сейчас назрела совершенная необходимость выяснить — что именно из бумаг Пушкина где хранится. Работа подобного рода была бы весьма своевременна.

Изучение рукописей, или вернее обработка их, началась еще с посмертного издания. Широко использовал рукописный фонд Анненков. После него рукописями семьи занимался Бартенева, напечатавший из них много отрывков в „Русском Архиве“ (есть отдельное издание: „А. С. Пушкин“ Москва 1881 г.). Однако работа Бартенева случайна и ненадежна.

Первый серьезно подошел к изучению автографов Пушкина Вяч. Евг. Якушкин, который описал весь фонд Румянцевского музея и опубликовал свою работу в „Русской Старине“ 1884 года. Хотя работа Якушкина представляет лишь внешнее описание рукописей, с некоторыми наиболее интересными выдержками, но она до сих пор является совершенно незаменимым справочником для работы над текстами Пушкина. К сожалению, подобных справочников нет для других собраний.

Именно Якушкину мы обязаны развитием изучения Пушкинских рукописей. Именно он в Академическом издании проводил линию полного опубликования всех черновиков. Этот интерес к изучению автографов как к самоценному объекту исследования, особенно усилился в настоящее время. Ныне пропагандистом такого изучения является М. Л. Гофман (см. его „Неизданные строфы Евгения Онегина“, „Домик в Коломне“ и редактированный им совместно с Б. Л. Модзалевским и Н. К. Козминым сборник — „Неизданный Пушкин“, содержащий материалы Онеганского музея).

Задачи изучения автографов многообразны. Во-первых — это задачи чисто исторического обследования материала. Изучение документов дает возможность определить время и обстоятельства их возникновения. Время определяется датой, водяными знаками бумаги, характером почерка, положением автографа среди других автографов. Все эти показания не абсолютны, и требуется тщательное изучение документа для определения их значения. Так — дата иногда может обозначат

не время написания данного документа, а напр. время первоначального написания произведения (на авторских копиях ранее написанных произведений), или вообще не имеет отношения к написанному. Здесь — положение дат на рукописи, анализ почерка и чернил и т. п. обстоятельств ориентируют в значении дат. Не следует упускать из виду и возможности описки.

По характеру почерка вообще бывает возможно определить весьма приблизительно эпоху написания (в лицее, в начале 20-х годов, в конце 20-х годов, в тридцатых годах). Почерк Пушкина довольно заметно эволюционировал, что облегчает задачу. Однако требуется большая практическая опытность, чтобы уловить характерные черты той или иной эпохи. Есть рукописи, датировка которых по характеру почерка разными исследователями определяется различно, с расхождением до 10 лет.

Водяные знаки бумаги дают дату, ранее которой не могли быть написаны рукописи (следует принять во внимание, впрочем, что в бумажном деле, как и в книгоиздательском, бывали случаи выпуска в конце года бумаги с клеймом следующего года). Вообще же рукопись обычно по времени своего заполнения отличается самое большее года на два на три от даты водяного знака, однако сплошь и рядом мы видим записи на сравнительно старой бумаге.

Очень часто дата автографа определяется положением его среди других автографов. Впрочем, здесь следует соблюдать особую осторожность, ибо именно

Датировка по положению бывала источником многочисленных ошибок. Сплошь и рядом Пушкин делал свои записи на свободных страницах своих старых, уже в целом заполненных тетрадей.

Наконец, самое изучение содержания написанного может дать время написания. Но этот путь самый опасный и к нему следует прибегать или в случае невозможности иного определения, или в случае очевидности прямого показания документа.

В соединении с биографическими изысканиями изучение документа дает сведения и об обстоятельствах, окружавших его появление. Здесь кстати будет сказать об одной особенности Пушкинских рукописей: часто при его стихах мы имеем пометки биографического порядка: „получено письмом от того-то“, „был там-то“ и т. п. Пестрят его автографы (особенно 30-х годов) разными денежными подсчетами, иногда ориентирующими в окружавшей его обстановке.

Но не в этом, понятно, центр тяжести изучения автографа. Задачи его глубже: в том, что можно назвать поэтическим прочтением рукописи.

Здесь следует оговорить особые типы автографов, какие мы встречаем у Пушкина.

Классифицировать эти автографы следует по двум признакам — по внешнему виду рукописи и по положению ее в истории текста заключающегося в ней произведения. По первому признаку мы имеем два крайние типа — черновой и белой тип, в зависимости от количества поправок и от одновременности этих

поправок с основной записью. В зависимости от истории текста, мы имеем автографы, дающие раннюю редакцию, промежуточные, позднейшие. Не следует думать, что беловой автограф есть обязательно окончательная редакция произведения. С другой стороны один автограф может дать сразу несколько редакций (до и после исправлений). Особо следует рассматривать авторские копии (напр. альбомные записи старых стихотворений, копии при письмах и т. п.), представляющие наименьший интерес для изучения, несмотря на их обычно парадный, беловой вид.

Пушкинский процесс творчества представляется обычно в следующем виде. Сперва мы имеем так называемый первоначальный черновик (для больших произведений им предшествует „план“), который у Пушкина носит характер стенограммы творческого процесса. Он записывает слова прежде, чем они сложились в фразу, прежде, чем сочетались в стих. Эти полуфразы располагаются стиховым рисунком на бумаге, здесь же заносятся варианты, одни слова зачеркиваются, другие надписываются, часто зачеркнутое восстанавливается, и так до тех пор, пока не слагается картина стихотворения. Но подобный черновик, если в нем даже есть стихотворный скелет — представляет собой только сырой материал для произведения. После этого начинается сводка его во едино. Сводная рукопись представляет обычно выборку из черновика связной стиховой редакции. Сводка подвергается уже мелочной стилистической отделке — одни слова заменяются другими, не нарушая целостности фраз и стихов — и очень

часто — композиционной обработке, в которой отсекаются иной раз крупные части стихотворений. После такой работы стихотворение перебеливается. Работа над обработкой первой сводной редакции иной раз хронологически сильно удалена от времени первоначального написания. Часто — через год, через два Пушкин возвращается к старым стихам и их перерабатывает. Усиленно перерабатывал он свои ранние стихи для изданий 1826 и 1829 года. Вообще разбором старого поэт занимался систематически, и есть основания подозревать, что знаменитая болдинская осень 1830 года в значительной степени была посвящена обработке прежних произведений, написанных в 20-х годах.

Задача изучения рукописей воссоздает этот творческий процесс.

При этом возникают следующие практические задачи. Во первых — механическое прочтение рукописи. Почерк Пушкина, весьма разборчивый в его чистовых рукописях, иной раз становится совершенно загадочным в черновиках. Быть чтецом Пушкина — особая специальность, требующая упражнений и опыта. Хорошие чтецы известны наперечет. Хорошим чтецом был Анненков. Но, напр., Якушкин — несмотря на многочисленные занятия рукописями Пушкина — не достиг должной виртуозности. Известностью в качестве чтеца пользовался П. О. Морозов, но у него фантазия дополняла то, чего он не мог постичь механическим разбором. В наше время известны, как опытные работники над автографами Пушкина, П. Е. Щеголев и М. Л. Гофман.

Но прочесть механически недостаточно. Надо учесть композиционное значение прочитанного, надо понять положение прочитанных слов во фразе и в стихе. И здесь чисто механического, палеографического анализа недостаточно—здесь нужен более глубокий филологический и литературный анализ, нужна конъектура, т. е. предположительное восстановление по неполным данным черновика полной картины фразы и стиха. В свое время значение конъектуры в чтении чернового текста было настолько самоочевидно, что об этом не говорили и не оспаривали права редактора на конъектуру, на реставрацию стихотворения. Анненковские материалы—это сплошные конъектуры. Но когда утратилось чутье стиля и языка Пушкина, конъектура стала источником грубых ошибок и искажений. И в наши дни была поднята М. Л. Гофманом резкая кампания против всякой конъектуры вообще (что не мешало самому Гофману делать иногда конъектуры). Понятно—конъектура должна делаться осторожно и на основании внимательного изучения рукописи. Но нельзя отказаться от конъектуры, так как отказ от нее значит отказ от критики текста.

Под понятием „конъектура“ скрывается много различных приемов филологической критики текста. Я позволяю себе остановиться на нескольких примерах конъектур, приводящих к правильному результату.

Во всех изданиях Пушкина мы читаем стихотворение, начинающееся словами: „В горах Гаргарии счастливой“. Анализируя фабулу стихотворения А. И. Маленин

выразил сомнение в правильности чтения „Гаргарви“ и предположил, что здесь следует читать „Гаргафии“. В самом деле — в автографе стоит ясное „Гаргафии“, — чтение же „Гаргарии“ — ошибка (или опечатка) Анненковского издания.

Во всех изданиях в одной из черновых строф „Домика в Коломне“ говорится о шестистопном стихе: „У вас его недавно стали знать“. Ф. Е. Корш, остановившись перед этой очевидной бессмыслицей, предположил, что вместо „знать“ следует читать „гнать“. Догадка его подтвердилась при более внимательном чтении автографа.

Здесь мы имеем конъектуры печатного текста, сделанные на основании критического анализа тематического материала стихов.

Но вот конъектура другого порядка. Имея перед глазами черновик стихов из „Евгения Онегина“, мы должны обязательно конструировать из него строфу в 14 стихов известной рифмовки. Не зная строф, мы собьемся обязательно в последовательности стихов, и часто не поймем их смысла. Между тем большинство издателей эту строфу игнорировало. В работе Гофмана приведено большое количество примеров исправления чтения прежних изданий путем реставрации онегинской строфы.

Переходя от мелкого к крупному — часто только путем изучения Пушкинской поэтики удается установить взаимное соотношение разрозненных частей произведения.

И собственно — механическому чтению документа всегда сопутствует конъектурная догадка: как и что мог написать здесь Пушкин.

Надо лишь уметь положить твердую границу между коньектурным чтением и произвольной отсебятиной. Именно эта отсебятина создала тот страх коньектур, который препятствует нормально развиваться изучению Пушкинских автографов.

Отказ от всякой догадки доводит чтение рукописей до механического и автоматического перечня слов, записанных Пушкиным, без установления какой-либо связи между ними. Напр., вот как воспроизводит один черновик П. О. Морозов:

Когда порой воспоминаанье
Как тень опять бежит ко мне
И (погружаюсь я) (злое мрачное мечтанье)
Грызет мне сердце в тишине
(задыхаюсь я) в тяжелом
И (страшно, душно) (страданья)
(Тогда)
Когда людей вблизи увидя
(Хотел бы я в пустыне быть)
Хочу в пустыню я бежать
Их слабый ум возненавидя
Тогда... (тогда) лечу
Туда где небо...
Низ...
Где т...
(Вперед) Кругом...
Где пожелтые струи
На мрамор ветхой тихо плещуг,
Где пел Т. . .
Где мирт и теми . . .
На воле пышно разрослись
Где и теперь . . .

Порой далече звонкой славой
Повторены его октавы
(Не там привычной. . .)
(Себе)
(Стремлюсь) Привычный к северным водам
(К студенным)
(За ле) Меж белоглавой их толпой
(Скалу иль) гор отроги вижу
.
(Пустын)
(Приют пустынный птиц морских)
(Печальной) (. . . .) берег дикой
Где чахлый мох едва едва
Усеян
(Пестреет) жалкою брусникой
(Одетый мохом). . . тундрю покрыт
И хладной пеною подмыт
(Кой где растет кустарник тощий)
Сюда порою (приплывает)
Отважный северный рыбак
свой невод выружает
И здесь (он сети разгружает)
(И свой) разводит очаг
Сюда погода волновая

Вряд ли читатель осилит весь этот набор слов. Меж тем, стоит только напрячь внимание, чтобы уловить в автографе связь между словами, и мы получим стихи, правда недоделанные, с пробелами, с недостатком слов, но такие, в которых виден поэтический замысел Пушкина:

Когда порой Воспоминанье
Грызет мне сердце в тишине
И отдаленное страданье
Как тень опять бежит ко мне—

Когда людей вблизи — видя
В пустыню скрыться я хочу
Их слабый глас возненавидя,
Тогда в лечу,
Не в светлый край, где небо блещет,
Неизъяснимой синевой,
Где море теплою волной
Кругом лагун пустынно плещет,
Где лавр и темный кипарис
На воле пышно разрослись,
Где пел Торквато величавый,
Где и теперь в тиши ночной
— — далече звонкой славой
— — пловца — — — —

Стремлюсь привычную мечтою
К студеным северным волнам,
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там,
Печальный остров—берег дикой,
Усеян дикою брусникой,
Увядшей тундрю покрыт
И хладной пеною подмыт.
Сюда порою прибывает
Отважный северный рыбак,
Здесь рыбарь невод расстилает
— — разводит — очаг.
Сюда погода волновая
Загонит утлый мой челнок. . .

Я полагаю, что подобная сводка принципиально важнее вышеприведенной транскрипции, т. к. она обнаруживает концепцию поэта, которая все же выше букв.

Имея такую сводку—скелет, текстолог должен „рас-слоить“ рукопись, т. е. проследить в ней последователь-

ность правок и редакций. Здесь отчасти помогает объективный анализ чернил, характера почерка и т. д., но в большей степени—грамматический анализ. Разобрав таким образом рукопись, мы определяем, какие слова и фразы *совместны* и какие *параллельны*. Мы таким образом узнаем последовательность Пушкинской работы и оцениваем мотивы выбора и предпочтения той или иной словесной формулы.

Большим недостатком механического чтения является то, что читающий совмещает параллельные редакции. Чтобы иллюстрировать это — приведу знаменитый пример реставрации, произведенной Морозовым. Пушкин написал— „Счастлив кто. . .“, зачеркнул и написал „Блажен кто...“ Из параллельных редакций составилось следующее— „Блажен, кто счастлив...“ Такими совмещениями параллельных редакций кишат издания Пушкинских, черновиков.

Но недостаточно проделать всю эту работу — надо уметь воспроизвести ее: и вот возникает большой и нерешенный вопрос о „транскрипции“ рукописей. Школа Якушкина стремилась передать полное впечатление рукописи путем условных типографских значков, ныне весьма популярных (квадратные скобки обозначают зачеркивание, звездочка — восстановление, ломанные скобки — конъектуру окончания недописанных слов). Систем транскрипции много (ср. Академическое изд. соч. Пушкина, „Из неизданных бумаг Пушкина“ Шляпкина— книга весьма ненадежная, — „Неизданный Пушкин“, „Русалка“ изд. Бионкура—факсимиле с транскрипцией).

Все они неудовлетворительны по двум причинам: во 1) никогда типографскими значками не передать всех тонкостей в рукописи, где характер штриха, направление строк, мелкие непередаваемые знаки руководят нас в последовательности чтения: по транскрипции поэтому труднее читать, чем по автографу; во 2) транскрипция есть, собственно говоря, сырая, недоделанная работа, не дающая основных моментов автографа — его скелета и его расслойки.

К тому же — транскрипций никто не читает, и я не знаю ни одной научной работы, которая серьезно пользовалась бы чужими транскрипциями. Всегда исследуется самый автограф, независимо от транскрипций. Транскрипция нужна лишь как приложение к факсимильному изданию (что сделано Бионкуром в его издании „Русалки“), но никоим образом не как самоценный труд. Попытки восполнять транскрипцию описанием вряд ли к чему приведут. Правильнее всего совершенно отказаться от транскрипций и делать только скелет и сводку, сопровождая его связными контекстовыми вариантами всех слоев. Только при таких условиях есть гарантия, что исследователь внимательно прочтет и изучит рукопись и избежит обычных ошибок, сопровождающих механическое прочтение.

Вообще — целесообразно лишь изучение, направленное к сознательно поставленной цели. Между тем транскрибирование в наши дни становится самоцелью, спортом. Транскрипторы чрезвычайно обеспокоены бывают обстоятельством, надписано или подписано слово к строке,

и не задаются вопросом—с чем оно согласовано и что оно значит. Чисто зрительная сторона поглощает внимание. Прочсть неразборчивое слово считается великой победой. Понять значение слова в контексте—пустяк, транскриптора не занимающий.

Механическое воспроизведение рукописей никому не нужно, т. к. оно неудобочитаемо, и обыкновенно—ошибочно. Нужны результаты работы над текстом—обследование документа. Самый же документ, если он сложен и запутан, может быть издан только факсимильным способом.

Коснемся теперь большого места Пушкинских изданий—это вопроса о принадлежности Пушкину тех или иных произведений.

Совершенно естественно, что произведения Пушкина интересуют нас не только в качестве изолированных образцов художественного слова, но как элементы художественного единства—творчества Пушкина. И поэтому в произведениях его мы ищем не только индивидуальных „красот“, но и соотношение их ко всему интегральному творчеству. Совершенно иначе мы будем расценивать какое-нибудь стихотворение, если узнаем, что оно принадлежит, предположим, не Вердеревскому, а Пушкину,—ибо художественная индивидуальность Вердеревского для нас менее значительна, чем индивидуальность Пушкина. Мы склонны изучать не произведения, а сквозь произведения—творчество—это эволюционирующее единство художественной системы. И чем интереснее творчество в целом, тем естественнее жажда узнать как

можно больше о нем, прочесть как можно больше произведений Пушкина. Отсюда — естественный вывод — несколько наивное—но психологически неизбежное — требование полноты изданий Пушкина, раздававшееся в литературе по поводу каждого нового издания. Отсюда— совершенно естественно возникают поиски новых, неизданных произведений Пушкина, жажда по „неизданном Пушкине“. А прямым результатом этого является методологическая нестрогость в приписывании Пушкину различных произведений. Если таким заманчивым является найти новую строку Пушкина, то как устоять против соблазна переоценивать аргументы в пользу принадлежности Пушкину того или иного произведения, как устоять против гипноза хотя бы и слабой аргументации, если в центре аргументации — имя Пушкина. Кроме того—при паличии спроса является и недобросовестное предложение. Жажда по произведениям Пушкина порождает мистификацию—сознательный обман.

Вот почему в ранние эпохи издания Пушкина засорялись произведениями ему не принадлежащими и „мнимый Пушкин“ играет такую большую роль в литературе о Пушкине. И хорошо еще, если такое мнимое произведение—бесцветные стишки вроде тех, о которых герой Гоголя сказал свое знаменитое „должно быть Пушкина сочинение“. Но если это произведение—ответственное, с яркими высказываниями, вроде какой-нибудь литературной статьи... То-то радость в литературе: ибо в подобной статье есть „затаенные мысли“, которых Пушкин нигде не высказывал. И мнимую статью Пушкина начи-

нают цитировать, до бесконечности „углубляя“ ею „мудрость“ поэта.

Источники мнимого Пушкина различны. Во-первых это—автографы поэта. Пушкин имел неосторожность копировать чужие произведения. И вот напр. у Анненкова мы находим „Первые мысли стихотворения, обращенного к Александру I“ („Где тот, пред кем гроза не смела“), оказывающиеся стихами Жуковского. Якушкин, копируя бумаги Пушкина, выписывает оттуда копию размышлений Жуковского (авторство которого было своевременно отмечено в печати), и вот через 40 лет эту копию публикуют как „скрижаль Пушкина“ (правда, быстрое обнаружение приводит к тому, что „скрижаль“ эта вырезается почти из всех экземпляров книги, пущенной в обращение).

Другой источник — это неавторитетные списки, сделанные лицами, подобными упомянутому герою Гоголя, и наивно подправленные подписью Пушкина.

Третий источник — это неблагоприятные догадки исследователей, видящих „Пушкинский стиль“ там, где его нет.

Четвертый источник—мистификация, вроде известных мистификаций Грена, долго пользовавшихся авторитетом среди издателей Пушкина.

Надо сказать, что в условиях творчества Пушкина были обстоятельства, оправдывающие поиски и конъюнктуры. Многие Пушкин печатал без подписи или под неясным псевдонимом (по подсчетам М. А. Цявловского—таких произведений, напечатанных без подписи или

под звездочками, или под буквами, не вызывающими мысли об авторе, свыше 70). Вскрыть принадлежность этих произведений Пушкину — трудная задача, являющаяся большой заслугой исследования. Естественно, что исследователь иногда переходит границы осторожности.

Отсюда — естественная реакция — заподозривание Пушкинских произведений в том, что они ему не принадлежат. Есть целый ряд произведений, отвергнутых издателями без особенных мотивов (мотивом являлось категорическое суждение Ефремова, который во многих случаях кроме категоричности ничего более в свои суждения не вкладывал ¹⁾).

¹⁾ Одним из сбивающих с пути моментов является то, что Пушкин очень свободно отрекался от тех своих произведений, за которые он не хотел нести художественной или иной ответственности. Пушкин отрекался от Гавриилиады и от некоторых других произведений (преимущественно лицейских).

Кстати, недоразумением является утверждение, что Пушкин отрекался будто бы от „Романса“ (Под вечер осенью ненастной). Версию эту пустил Анненков, который признал в „Романсе“ идилию и применил к нему след. слова из рукописей Пушкина: „в альманахе изданном Г. Федоровым между найденными, бог знает где, стихами моими, напечатана идилия, писанная слогом переписчика стихов Г. Панаева“. Речь здесь идет понятно о другом стихотворении, напечатанном Федоровым в „Памятнике Отечественных Муз“ на 1827 г. „Фавн и Пастушка“. В согласии с этими ненапечатанными заметками Пушкина Сомов писал в „Северных Цветах на 1829 г.“; „в „Памятнике Муз“ напечатаны отрывки

Одной из ближайших задач исследователей Пушкинского текста является перепроверка всех оснований, по которым Пушкину приписывается то или иное произведение, и разделение их на несомненные и сомнительные. Совершенно необходимо выделить сомнительные произведения в особый класс, т. к. нельзя требовать от лиц, работающих над текстами Пушкина, чтобы они, каждый за свой риск и страх, проделывали всю работу по проверке принадлежности Пушкину того или иного произведения, и издатель обязан предупредить читателя о несовершенной убежденности своей в принадлежности данного произведения Пушкину.

из стихотворения Пушкина „*Фавн и Пастушка*“, стихотворения, от которого поэт *ныне сам отказывается* и поручил нам засвидетельствовать сие пред публикой“. Замечу, что Федоров в предисловии писал: „А. С. Пушкин, позволив издателю поместить в сем альманахе некоторые из первых произведений своей музы, не доверяя достоинству их, желал, чтоб издатель означил время сочинения их“. Заявление это не может быть ложно, иначе опровержение Сомова было бы не так мягко. Очевидно самоуправство Федорова выразилось в помещении только „*Фавна и Пастушки*“, остальное же было предоставлено ему Пушкиным. Итак 1) Пушкин отрекался от своих стихов не в том смысле, что он их не писал, а в том, что не принимал на себя ответственности за давно написанное, 2) „отречение“ относится не к „*Романсу*“, а к „*Фавну и Пастушке*“, 3) „*Романс*“ самим Пушкиным был предоставлен Федорову для напечатания в „*Памятнике*“, а прежде этого предполагался ко включению в собрание стихотворений 1826 г. (См. примечание Н. О. Лернера к стихотв. „*Фавн и Пастушка*“. Соч. П. под редакцией

В приложении к настоящей книге сообщены сведения по вопросу об участии Пушкина в „Литературной Газете“ 1830—31 г., которые показывают, насколько запутан здесь вопрос о принадлежности. Не менее запутан вопрос о цикле лицейских произведений, значительная часть которых дошла в списках, и притом сравнительно поздних.

Закончу обзор основных вопросов Пушкинского текста сообщением о новейших приобретениях в этой области.

Пожалуй, наиболее значительным произведением Пушкина, ныне опубликованным, является „Письмо А. Б.“, помещенное в „Современнике“ 1836 г. и, как ныне

Венгерова, т. I, стр. 312, а также рецензию М. Цявловского в сб. „Феникс“ кн. I, стр. 174—177 на книгу Гофмана „Первая глава Науки о Пушкине“).

Также не основательно мнение о том, что Пушкин отрекся от стихотворения „Любви, надежды“... (Чадаеву). Протестуя против помещения Бестужевым в 1829 г. в альманахе „Северная Звезда“ за подписью *Ал* 7 стихотворений, из которых одно принадлежало Вяземскому, Пушкин писал: „В числе пьес, доставленных г. *Ал* некоторые принадлежат мне в самом деле, другие мне вовсе неизвестны. Г-н *Ал* собрал давно мною написанное и заменил своими стихами те, кои не могли быть пропущены цензурой“. Последняя фраза—указание на то, что в стихотворении „Любви, надежды“ стих „Минуты вольности святой“ заменен стихом „Подруги сердцу дорогой“. Других изменений, которые бы могли вызвать фразу Пушкина о цензуре, в альманахе Бестужева нет. Следовательно, в этой заметке Пушкина—не отречение от стихотворения, а признание своего авторства.

доказано, принадлежащее перу Пушкина (напечатано дважды: сб. „Наш Труд“ Москва 1924 г. № 2, „Атений“ сб. первый—второй 1924 г.). Письмо это является общей оценкой современной Пушкину журналистики, и содержит много весьма любопытных высказываний.

Кроме того появились в разных органах отдельные произведения Пушкина, главным образом письма. См. „Литературные портфели“ изд. Атений 1923 г. письмо Дельвигу, „Пушкин и его современники“ XXXVI 1923 г., „Культура Театра“ 1921 г. № 5, „Голос Минувшего“ 1921 г. (сообщения Цявловского), „Жизнь Искусства“ 1924 г. № 24, „Русский Современник“ 1924 г. № 2, „Атений“ сборник первый и второй, 1924 г., „Сборник Пушкинского дома“ на 1923 г. „Каменный Гость“ изд. Госиздата 1923 г. (обширные варианты к тексту), „Дубровский“ изд. Госиздата 1923 г. (неопубликованные программы романа), „Медный Всадник“ изд. Комитета популяризации Худ. Изд. 1923 г. (варианты — ред. П. Щеголева) и пр.

Приходится сожалеть, что Майковское собрание, давно уже приготовленное к печати, доньше не может быть опубликовано по материальным условиям. Оно не менее, чем Онегинское собрание, дало бы ряд любопытнейших новинок Пушкинского текста.

Биография.

Стремление к осознанию творческого единства в произведениях поэта естественно влечет за собой интерес к личности писателя, как некоторому конкрет-

ному единству. Для читателя недостаточно осознание отвлеченного процессуального единства поэтических созданий. Это единство должно быть воплощено, названо, узнано. Жизнь поэта и является той рамкой, в которой удобно и просто укладывается его творчество. Отсюда несколько наивная реалистическая формула, что поэзия есть „обнажение недр души“ поэта. Эта конкретная, материализованная „душа“ с ее „недрами“ и становится объектом интереса, как свойство некоторого исторического лица, как один из элементов его поведения. Поэтическая индивидуальность осознается как личная индивидуальность. Недаром коллективное творчество пародийно-индивидуального типа у Толстого и Жемчужниковых сопровождалось созданием биографической фикции—Кузьмы Пруткова. Художественное единство ищет разрешения в единстве личном.

Но, к сожалению, дело на этом не останавливается:—поскольку творчество признается за „недра души“, постольку и объектом интереса становятся эти „недра души“ сквозь творчество—и читатель стремится самое творчество интерпретировать, как путь к познанию личности поэта. Интерес к личности начинает подавлять интерес к творчеству. Познание личности становится ключем к пониманию творчества. В биографии ищут основания для интерпретации художественных произведений.

В этом сказался психологический источник значительной части биографических изысканий о Пушкине.

Другим источником этого биографического интереса является то, что самые произведения Пушкина своей

тематикой ориентируют внимание читателя на некоего „Поэта“ с весьма конкретной его биографией.

Дело в том, что поздний классицизм, на котором вырос Пушкин, культивировал Поэта, как героя лирического цикла. В этом отношении характерна лирика Парни. Объединенная в сборнике „Poésies érotiques“, она слагается в некоторый целостный роман автора Элеоноры. Ясно, что ни автор в его сюжетной функции, ни Элеонора в стихах не совпадают с историческими лицами Парни и его подруги,—но направленность внимания читателя естественно создает некий лирический образ Парни и Элеоноры.

Так ты, Языков вдохновенный,
В порывах сердца своего
Поешь, бог ведает, кого,
И свод элегий драгоценный
Представит некогда тебе
Всю повесть о твоей судьбе.

Однако, нельзя считать, что каждый роман, написанный в форме мемуаров или дневника, есть действительно мемуары или дневник автора:

Всегда я рад заметить разность
Между Онегиным и мной,
Чтобы насмешливый читатель
Или какой-нибудь издатель
Замысловатой клеветы,
Сличая здесь мои черты,
Не повторял потом безбожно,
Что намарал я свой портрет,
Как Байрон, гордости поэт,

Как будто нам уж невозможно
Писать поэмы о другом,
Как только о себе самом.

Упрекая критику в неповимании „Героя нашего времени“ Лермонтов писал: „другие же очень тонко замечают, что сочинитель нарисовал свой портрет и портреты своих знакомых... Старая и жалкая шутка“. К 1841 г. это действительно было старо. Но эта „старая шутка“, как показывают и стихи Онегина—вошла в обиход в читательской среде, а внушила ее читателю—сама литература.

Здесь не приходится говорить о силе реалистической иллюзии художественного произведения, заставляющей верить в литературных персонажей как в живых людей и проецировать их на конкретные личности. Как известно, этой иллюзий поддаются и сами авторы, что известно, например, из переписки Бальзака. Не приходится также говорить, что для сюжетных построений писателями привлекается большой материал жизненных наблюдений: это сказывается, например, в планах Пушкина (см. план „Пелымова“), где иногда задуманного героя он называет историческим именем—краткий способ наметить основные черты характера героя,— и понятно в исходном творческом моменте присутствует „та, с которой образован Татьяны милой идеал“. Все это относится к области психологии восприятия и психологии творчества.

Но сейчас нас интересуют конкретные автобиографические указания, которые по традиции (как от Пар-

ни, так и от указанного Пушкиным Байрона) проникли в лирику и поэмы Пушкина.

В лирическом творчестве пути разработки тематического материала короче, нежели в эпосе, так как не требуют сложного сюжетного оформления, довольствуясь конструированным выражением и эмоциональной окраской. От жизненного факта поэт непосредственно может перейти к лирическому произведению, не подвергая переживание объективной обработке. Встреча с калмычкой в кибитке дает толчок к стихотворному построению. То или иное воспоминание претворяется в лирическую тему.

И в лирике Пушкина так часты прямые автобиографические высказывания. Возьмем хотя бы „Евгения Онегина“, обильного лирическими строфами:

В те дни, когда в садах лица...

На берегах Невы —
Там некогда гулял и я,
Но вреден север для меня...

Там, там под сению купис
Младые дни мои неслись...

Мне памятно другое время...

Брожу над морем, жду погоды,
Маню ветрила кораблей...

Так — намек за намеком слагается реальная биография поэта, которую читатели узнавали, связывали с конкретными фактами его жизни и вводили самого Пушкина как героя в рамки его произведений.

И очень часто для понимания этих намеков необходим был реальный биографический комментарий. Значение цитированного

«Но вреден Север для меня»

раскрывалось лишь при условии точного знания ссылки Пушкина в Бессарабию (не даром к этому стиху Пушкин печатал „писано в Бессарабии“, не имея возможности точнее определить смысл этих стихов).

Таким образом, самый текст произведений как бы обрастает необходимым биографическим комментарием. Стихи пишутся как бы в расчете на то, что читателю кое-что известно из биографии автора.

Вот этот то, так сказать, императивный биографизм текста издавна привлекал внимание исследователей. Восполнить текст пытались путем реальной биографии Пушкина. И здесь-то большинство биографов потерпело полную неудачу. Оказалось, что биографические намеки лишь отчасти сводимы с реальными сведениями из жизни Пушкина. В значительной же мере они требуют очень сложного психологического истолкования („как на самом деле следует понимать данные слова?“ задают себе вопрос новейшие толковники, комментирующие Пушкина по методу конфессиональных толкователей библии, которые, как известно, чрезвычайно опытные в устранении всех прямых противоречий текста). В некоторой части эти

намекы с точки зрения реальной биографии являются совершенной мистификацией. В „Евгении Онегине“ Пушкин, вспоминая двадцатые годы, пишет:

В ту пору *мне казались нужны*
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал,
И *безыменные страданья...*

Биография становится не просто реальным фактом, а фактом долженствующим. Хорошо, что эти долженствующие факты произошли сами по себе, без особого вмешательства Пушкина в свою судьбу. Семья Раевских его отвезла на Кавказ („груды скал“), в Крым („моря шум“). Если бы этого не произошло, Пушкин и сам мог бы создать эти долженствующие факты. Ведь не случайность же, что Марлинский, Лермонтов и др. тоже были на Кавказе и воспели его (они были там и по необходимости, и по доброй воле, но воспевали далеко не все места, посещенные ими: Кавказ же был каноничен, и против этого канона восстал Толстой в своих рассказах). Но как быть с фактами психологическими, или с такими, которые от воли автора не зависят. Здесь два пути — или настойчиво добиваться их в реальной жизни, или просто муссировать их в лирике.

Так — из реальных фактов (по тщательной их переложке), из некоторой биографической инсценировки, из муссированных биографических мотивов создается литературная биография — миф, не всегда сведенная, не всегда согласованная. Пушкину нужна „гордая дева“ и

„безыменные страдания“ („к NN — неведомой красе“), и мы видим, как он из каких-то осколков личной жизни, которая у него слагалась вовсе не по идеальному канону лирического романтизма, склеивает, восполняя пустоты мистификацией, эти „безыменные страдания“, причинившие столько горя всем исследователям.

Легенда о жизни Поэта (с большой буквы — героя лирики) не умирает со смертью автора. Вокруг его имени нарастает своего рода „фольклор“ в форме подозрительных „мемуаров“ маститых старцев. Легенда ширится и растет, достигая, наконец, своего полного развития и затем, как всякая устная словесность, никнет и хиреет. Но современные исследователи часто в изысканиях своих обнаруживают такие полупоэтические сказания. Я не хочу оспаривать популярной ныне версии о любви Пушкина к Марии Раевской-Волконской, но отмечу, что корни ее мы находим в 40 — 50 годах, когда она была достоянием устных преданий, и у Бартенева, и у Анненкова (у последнего весьма осторожно) мы находим ясные следы этой версии ¹⁾. Именно такие собиратели устной традиции, как Бартенев и были фокусами этой творимой легенды о поэте, где реальные факты переплетаются с фактами муссированными, со сплетнями — формой великосветской устной словесности — и анекдотами, часто случайно приурочиваемыми к тому или иному лицу.

Сплетня, анекдоты, литературная биография автора-героя, реставрируемая по произведениям поэта — это во-

¹⁾ См. С. Бобров. «Записки стихотворца».

все не такие выдумки, мимо которых надо проходить без внимания или только с точки зрения их „разоблачения“. Отнюдь нет — следует только строго дифференцировать весь этот материал, разнеся его по рубрикам, и при том следует с особенным вниманием изучать — пусть мифическую — биографию Поэта-героя, как литературный факт, неотъемлемо сопровождающий произведения поэта, как необходимый комментарий к тематике поэтического творчества. И в этой области следует проделать некоторую расслойку биографической легенды, в зависимости от того, в какую толщу читателей она проникла. Ибо в эпоху Пушкина читатель был разнороден, и кроме нейтрализованного читателя — журнального подписчика, читателя провинциала (на образе которого Пушкин неоднократно останавливается), была еще довольно широкая сфера интимного читательского круга, в котором и Пушкин и его друзья вращались как свои — знакомые — люди, и которые знали о Пушкине гораздо больше, чем нейтральный читатель — хотя бы по личному общению, по знакомству с его рукописными произведениями, по передаче близких лиц и т. д. Это общество — при тесноте интеллигентной жизни в 20-х годах — было довольно немногочисленно и связано сложными переплетающимися связями. Интимные недомолвки Пушкина в разговорах и письмах, рассчитанные на то, чтобы „у нас болтали“, имели в виду эту узкую среду, в то время, как к нейтрализованному читателю Пушкин относился равнодушно: „Ты пишешь, что без трех последних стихов элегия не имела бы смысла. Велика важ-

ность“ — писал он Бестужеву о своем стихотворении, в котором он из явного кокетства перед друзьями на почве тех же „безыменных страданий“ — просил устранить три последних стиха из элегии — „Редеет облаков“. Эта интимная легенда и есть те биографические данные о Поэте-герое, которые потом у Бартенева и других прихотливо сочетались с реальными фактами из жизни исторического Пушкина.

И недаром биограф, столкнувшись с фактом литературной мистификации Пушкина, ломает себе голову: „искренен или не искренен был Пушкин в своем творчестве“. „Пушкин никогда не выдумывал фактов, когда излагал их автобиографически; напротив: и в этом отношении он был правдив и даже точен до иоты“ пишет Гершензон. „Пушкин был, бесспорно, художественно-честен, но отнюдь не в автобиографическом плане. Вера в автобиографическую точность его поэтических показаний представляет один из самых странных предрассудков нынешних исследователей“ — так возражает Гершензону Вересаев. Здесь поневоле вспоминаются слова И. А. Аксенова по поводу автобиографии Маяковского „Автобиография поэта всегда в значительной мере то, что Гете назвал „дихтунг“, т. е. вымысел, и критику приходится, относясь к таким явлениям как поэзия, устанавливать границы между фактически бывшим с автором или поэтически им присочиненным, при чем не последнюю роль в разборе играет установление причин отклонения от протокольно-точной записи автобиографа“.

Третий класс поводов, заставляющих изучать биографию поэта—это вопросы связанные с так назыв. „литературной историей“ произведений поэта. Вопросы эти, тесно примыкающие к изучению текста, требуют точного знания обстоятельств, окружавших создание произведений, историю документов поэтического творчества, историю опубликования и т. п. Критика текста должна опираться на точные сведения биографии. Только такая точная биография даст возможность разрешать сложные вопросы взаимоотношения литературных произведений (например, их датировку) или вопросы литературных заимствований (которые иной раз оказываются простыми конвергенциями, — совпадениями, ибо биографические данные обнаруживают незнакомство автора с теми произведениями, с которыми он совпадает: для Пушкина таково взаимоотношение „Шильонского узника“ и „Братьев разбойников“). В этой области трудно предусмотреть все возможные случаи обращения к биографии: соответствующий комментарий, помещаемый в примечаниях к произведениям Пушкина, отличается чрезвычайной пестротой. Собственно — такова природа всех вспомогательных дисциплин, собирающих пестрый материал только потому, что он „может пригодиться“ в изучении.

И, наконец, можно изучать биографию некоторой культурно-исторической личности. В этой области биография поэта только материалом будет отличаться от биографии генерала.

Существующие биографические изыскания, независимо от конечных целей исследователей, стремились

к прагматическому и объективному изучению истории личности Пушкина. Основной методологический камень преткновения всех изысканий — это вопрос о биографическом значении повестических высказываний Пушкина. Здесь мы имеем дело с самыми крайними точками зрения. Не так давно один исследователь, увлеченный текстом Гершензона о Пушкинской правдивости, в своем, хотя и не опубликованном в печати, но неоднократно читанном докладе¹⁾, попытался сконструировать биографию женщины, любимой Пушкиным, исключительно на основании лирики Пушкина, ибо избранный им объект исследования оказался вне пределов какого-бы то ни было точного знания. О женщине этой не сохранилось ровно никаких сведений. Таким образом, докладчику удалось избежать прямого противоречия между лирическими воспоминаниями и объективными данными, противоречия, которое в более или менее затушеванной форме обнаруживается во всех исследованиях о любви Пушкина. Понятно, таким образом можно только нащупать лишь лирическую героиню Пушкина (и то — не происходит ли здесь на низывание на единый „сюжет“ разнородных „мотивов“?), но никоим образом не реальное лицо, жившее в эпоху Пушкина и с ним связанное.

С другой стороны мы встречаем резкое отрицание какого-бы то ни было значения источника для биографии за лирикой Пушкина. Последнее положение — понятно — методологически самое простое и правильное. Раз каждое

¹⁾ См. Пушкин. Сб. первый. Москва, 1924, стр. 310—314.

лирическое свидетельство мы обязаны проверять объективными данными, то не лучше ли просто игнорировать эти высказывания? Но это методологически бесспорное положение на практике упорно не применяется. В своей интересной работе о биографии ¹⁾ Г. О. Винокур справедливо нападает на М. Л. Гофмана, который, после декларации об антиномичности „Dichtung“ и „Wahrheit“, цитирует стихи Пушкина, как прямое свидетельство, как показание. Это не мешает и Г. Винокуру все же под финал статьи цитировать стихи Пушкина в той же функции свидетельского показания.

Очевидно, дело не так просто, и лирических высказываний как прямых свидетельств ничем не объехать. Взаимоотношение лирики и побочных свидетельств прямое: лирика намечает вехи для биографической гипотезы, придавая ей — правда очень малую в самой себе — вероятность. Дело побочных доказательств определить степень этой вероятности, т. е. обнаружить или явный вымысел, или достоверность. Пора перестать вообще в гуманитарных науках оперировать с непреложностями, с „канонами“, догмами и т. п. Все дело в одной вероятности, и гипотеза отличается от утверждения только тем, что вероятность гипотезы есть совершенно неизвестная величина (искомая), а вероятность утверждения есть величина вполне определенная. Когда она приближается к единице, ко всем 100%, тогда

¹⁾ «Печать и Революция» 1925 г. Доклад, читанный в Росс. Институте Истории Искусств.

утверждение становится „истиной“, как даты рождения и смерти Пушкина. Хотя надо сказать, что и эти „истины“ никогда своих ста процентов не имеют — и сколько „несомненных“ дат было передатировано, во сколько „непогрешимых“ документах найдена погрешность.

Лирика — вовсе не негодный материал для биографических разысканий. Это лишь — ненадежный материал. Но еще менее надежным материалом являются многие мемуары — вроде апокрифических записок Смирновой, на которых исследователи, отчаявшиеся отделить истину от лжи, ставят крест, или вроде воспоминаний Л. Павлицева, и даже воспоминаний Пущина, не устоявшего перед соблазном приписать Пушкину чьи-то — вероятно свои собственные — вирши. Если сопоставить лирику с такими „объективными“ источниками, то еще неизвестно, на чьей стороне будет перевес в исторической достоверности.

Одно лишь надо помнить, что обращение к лирике как прямому высказыванию требует чрезвычайно тонкого критицизма, чрезвычайной осторожности и научного такта, которые весьма редко наблюдаются. На лирическое показание всегда должна быть сделана поправка. Природа этой поправки ясна, если сопоставить стихи „Я помню чудное мгновенье“ с реальной историей отношений Пушкина к „Керн“ ¹⁾, или сравнить прозаический рассказ Пушкина о встрече с калмычкой с его

¹⁾ См., в цпр., Вересаева «Поэт» «Красная Новь» 1924 г. №

лирическим претворением того же объективного факта.

При всем том — творчество поэта все же дает поле для построения биографической гипотезы, которая иногда одна может удовлетворительно связать обрывочные и смутные факты, и которую иногда приходится проверять не в целом, а в наиболее решительных „ударных“ положениях.

Переходя к „объективным“ источникам биографии Пушкина, следует в первую очередь упомянуть автобиографические записи Пушкина (дневник и отрывки из записок) и его переписку. Переписка Пушкина в 1906 году была издана в трех томах Академией Наук. Издание это, по своему времени чрезвычайно тщательное, ныне уже устарело: много писем Пушкина и к Пушкину стало известно лишь за истекшие 20 лет, многие даты, предположительно выставленные изданием, ныне уже не могут считаться незыблемыми; кроме того — переписка в Академическом издании совершенно не комментирована. Документы такого рода, лишенные комментария, в значительной мере теряют ценность для читателя.

Что касается автобиографических записей Пушкина, то большим, неразработанным и в некоторой части загадочным материалом являются его „маргиналии“ — записи на полях произведений, отмечающие различные события личной жизни. Эти записи отличаются краткостью, превращающей их в криптограммы, разгадываемые совершенно различным способом. Так, напр., запись:

„перед раз. ст.“ читалась: „перед разбитой статуей“ (Анненков), „перед разными стихотворениями“ (Ефремов), „перед разбором старого“ и т. д. (приписка к стихотворению: „Стамбул гяуры нынче славят“). . .

Мемуары современников, весьма разноценные по достоверности, и архивные дела приблизительно замыкают тот материал, который привлекался исследователями к биографическому изучению Пушкина.

Изучение это началось давно. Историей рода Пушкиных занимался еще сам поэт; в последние годы вопрос этот изучали наши специалисты в генеалогических разысканиях.

Если ранняя жизнь поэта, до поступления его в лицей, и известна только по отрывочным воспоминаниям и недостоверным семейным преданиям (имеющим источником рассказы сестры Пушкина, Ольги Сергеевны), то значительно лучше дело обстоит с лицейскими годами. Своеобразный лицейский патриотизм в среде воспитанников лицея создал благодарную почву для изучения лицейских лет Пушкина. Наличие в среде сверстников Пушкина лиц, привлекавших самостоятельно исторический интерес к себе, обеспечило широкое освещение самой лицейской среды. Книги Грота старшего и младшего, Кобеко, Гастфрейнда, статьи Гаевского знакомят нас с годами „становления“ поэта. Несколько слабее обстоит дело с первыми годами выхода из лицея — периодом „Арзамаса“ „Зеленой Лампы“, — вплоть до высылки на юг. Исследования П. Е. Щеголева лишь отчасти систематизируют сведения об этой поре жизни

Пушкина. За то, начиная с 1820 г. — с высылки Пушкина на юг — сведения о нем разработаны значительно лучше. К этим годам относится вопрос об „утаенной любви“, всегда привлекавшей любопытство исследователей (по этому поводу — известный спор Гершензона и Щеголева)¹⁾; о бессарабской жизни сохранилось много воспоминаний (Липранди, Вигель, Вельтман и др.) Несколько в тени остается период до женитьбы, но жизнь, начиная с 1831 года, хорошо освещена в фундаментальной работе П. Е. Щеголева „Дуэль и смерть Пушкина“. Любопытно отметить, что история последних лет и дуэли в частности особенно привлекает исследователей. Существенным материалом по истории 30-х годов является „Дневник“ Пушкина, дважды изданный в 1923 г. с весьма обширными комментариями (в Ленинграде — Б. Л. Модзалевского, в Москве — В. Ф. Саводника).

Единой биографии Пушкина еще не написано, и знакомиться с его жизнью приходится по отдельным монографиям. Сводные очерки — компилятивны и кратки. Облегчает работу книга Н. О. Лернера „Труды и дни Пушкина“ (2 издания), являющаяся настольным справочником для каждого, работающего над Пушкиным. К сожалению, книга эта уже устарела и не может

¹⁾ См. П. Е. Щеголев «Пушкин». Очерки, изд. Шиповник 1912 г. М. О. Гершензон «Северная Любовь Пушкина», «Вестник Европы» 1908 г. январь: «Пушкин и его современники» вып. XIV (ответ Гершензона на статью Щеголева, ответ Щеголева перепечатан в «Очерках»).

служить безусловно - надежным источником сведений. Скорее это — отправной пункт для разысканий, которые необходимо каждый раз проделывать самостоятельно.

Ликвидация этого хаотического положения с биографией Пушкина — очередная задача научной разработки материала.

Историко-литературное и теоретическое изучение творчества.

Для „Пушкинизма“, как отрасли архивной работы, характерно игнорирование литературного объекта в изучении Пушкина. Вряд ли будет преувеличением сказать, что со времени статей Белинского ничего столь же существенного по изучению историко-литературного значения Пушкина не сделано — по крайней мере, в таком же объеме. Этим, может быть, объясняется, почему оценки Белинского, обусловленные его критическим направлением, до сих пор являются определяющими в широких кругах. „Общие“ работы о Пушкине все более и более становятся перепевами старого, и центр научной тяжести переносится на мелкую „эссеистскую“ работу по отдельным вопросам. Этот эссеизм характерен вообще для Пушкинской литературы.

Сейчас гораздо более в моде „сборники статей“ о Пушкине, нежели цельные, обширные работы, которые получали нелестное наименование „кирпичей“. Историко-литературная мозаика последних лет еще не слагается в общую картину, которая своей цельностью

могла бы вытеснить пристрастные мнения Белинского. Тем не менее именно теперь положено начало сдвигу исторической оценки Пушкина. Внутри „Пушкинизма“ этот историко-литературный застой имеет свое объяснение. „Пушкинистами“ являются люди, исключительно влюбленные в личность и творчество Пушкина. Для них Пушкин — несравним, оценки Пушкина — незыблемы. Если в своей литературной борьбе Пушкин нападал на кого-нибудь, то за противником Пушкина навсегда сохранено имя „курьезного“ или „бездарного“. Сама партийность литературного направления Пушкина стала своеобразной литературной догмой и литературные староверы так же клянутся именем Пушкина, как какой-нибудь Клемансо клялся именами вождей Французской Революции. Ощутительность динамичности Пушкина стерлась, он стал иконой. Окружение Пушкина — забыто: все это или „друзья“ или „курьезные бездарности“. Пушкин нейтрализован. („Пушкинизм“ без воздействия извне грозит заболотиться, если, впрочем, более молодая группа научных работников не взорвет его изнутри. Правда — подобный взрыв может сопровождаться незаслуженно непочтительной ломкой традиций, — но в конечном итоге только таким путем можно прийти до синтеза. Пора забыть обычный мессианизм Пушкина с типичным разделением русской литературы на ветхозаветную до Пушкина и новозаветную после Пушкина. Пора вдвинуть Пушкина в исторический процесс и изучать его так же, как и всякого рядового деятеля литературы. При таком равенстве научного

метода выявится и творчески-индивидуальное в поэзии Пушкина. Вдвигая Пушкина в литературный ряд его современности, мы тем самым должны отказаться от старых (может быть, пропедевтически удобных и теперь) приемов изучения его творчества на фоне его личной жизни, оторвать его творчество от его жизни, и изучать его на фоне общественно-литературных интересов его современности. Творчество Пушкина не как акт индивидуальный, а как факт социальный — очередная задача науки. Но этот социальный момент не приходится расширять до совершенно абстрактных проблем вневременной национальной или даже вселенской культуры, а лишь до четких и узких пределов литературы его времени. Более, нежели когда-либо, сейчас необходимо изучать Пушкинское окружение и взглянуть на Пушкина извне, исходя из этого окружения.

В изучении генезиса Пушкинского творчества необходимо учитывать его раннее вхождение в группу Карамзинистов (молодое, „левое“ крыло) и расценивать его поэзию с точки зрения литературной борьбы карамзинистов и „Беседовцев“-шишковистов („архαιстов“). Взаимоотношению левых карамзинистов и левых шишковистов (Грибоедов, Катенин, Кюхельбекер) посвящены работы Ю. Тынянова, к сожалению, не вполне опубликованные.

Эта линия борьбы двух течений тем любопытнее, что на фоне ее протекала не только ранняя („лицейская“) деятельность Пушкина, но и позднейшая — 20-х годов. Дело осложняется еще особыми литературными связями,

существовавшими между Пушкиным и Катениным и определившими индивидуальную позицию Пушкина в литературных группировках эпохи.

При этом следует учитывать то „равнение по Западу“, которое намечалось в литературной эволюции начала XIX века. Понятно — всякая литература всегда национальна в том смысле, что идет своими национальными путями, и судьба ее определяется ее внутренним развитием. Но часто это национальное развитие бывает однокрылым, и литература одного народа неудержимо стремится к тому, чтобы идти в ногу (обычно запаздывая при этом) с какой-нибудь иностранной литературой, становится ее попутчицей и обрекает себя в некоторой степени на то, чтобы разделять судьбу избранного в руководители народа. Таким „попутничеством“ отличалась русская литература начала XIX века по отношению ко французской.

Усугублялось это еще чисто французским воспитанием русской интеллигенции, для которой родным обиходно-культурным языком был язык французский, русский же язык применялся в ограниченной сфере бытовых условий (чем объясняется то, что разговорные формы с большей легкостью проникали в русскую литературу в начале XIX века, чем позднее). Совершенно естественно, что в русскую литературу свободно проникали влияния Запада, и наша лирика вслед за французской имела свою школу Дора, которую сменила школа Парни, слившаяся вскоре со школой Мильвуа.

Именно на этой смене лирических школ во Франции

в их традиционном русском усвоении рос Пушкин. Не лишним будет заметить, что „Арзамас“, направивший первые шаги Пушкина в литературе, своеобразно культивировал французские классические традиции XVII века на фоне (и с соответствующим переосмыслением) русской борьбы школ.

Отсюда совершенно очевидна важность проблемы о Западных влияниях поэзии Пушкина. Вопросу этому посвящено много работ в частности Н. П. Дашкевичем и Алексеем Веселовским (Дашкевич „Пушкин в ряду великих поэтов нового времени“ в сборнике „Статьи по новой русской литературе“, А. Веселовский „Западное влияние в новой русской литературе“, и „Этюды и характеристики“. Ср. также Mansuy „Ce que doit Pouchkine aux écrivains français“ „Revue Bleue“ 1904, 13 août). Комментарии Л. Майкова к I тому Академического издания последовательно прослеживают французское влияние в Лицейском творчестве Пушкина (до Майкова этим вопросом занимался Гаевский).

К сожалению, большинство работ (а список их велик, если привять во внимание отдельные этюды на темы о западных влияниях) держится на уровне текстового сопоставления изолированных произведений. Обычный тип подобных работ — это выискивание лексических и тематических совпадений текста произведений Пушкина и иностранного „источника“. Самый факт сопоставления считается оправдывающим методологический процесс сопоставления. На самом же деле мы имеем лишь накопление сырого материала, который, в лучшем

случае, свидетельствует об обращении Пушкина к указанному „источнику“ (в худшем — простое, случайное совпадение), т. е. устанавливает факт биографии Пушкина, факт отнюдь не историко-литературный. В этом тоже сказалось биографическое направление „пушкиноведения“. Ведь, факт усвоения, восприятия чужого произведения, реминисценции и т. п. еще ничего не говорит об эстетической функции этого произведения в творчестве изучаемого автора. Это — его житейское личное дело. Накапливая такие факты, мы лишь готовим биографическую базу для историко-литературного анализа, который должен заключать в себе определение взаимоотношения между различными литературными течениями и тем направлением, какое имела литература в лице Пушкина. Совершенно естественно, что реминисценции и „заимствования“ обрисовывают круг чтения Пушкина, но они не свидетельствуют об актуальности этого направления в творчестве поэта. Так — чаще всего реминисцирует Пушкин из поэтов века Людовика XVI и Французской Революции. Но что это доказывает? Только то, что эта литература была наиболее свежей в эпоху воспитания Пушкина. Она вторгается в поэзию Пушкина именно в том, в чем она была буднична и незаметна для современников. Но доминирующие моменты Пушкинской поэзии чужды этой литературе и строятся часто по контрасту к этой мелкоклассической среде. Характерно обращение Пушкина к классикам XVII века, в которых он видел противовес „измельчавшей“ французской словесности. Это был рычаг, при помощи кото-

рого Пушкин (в союзе с Арзамасом) хотел свергнуть с пути традиционный классицизм ¹⁾.

Время пристального наблюдения за французской литературой иссякает у Пушкина в 20-х годах. Последним следом безотчетного увлечения французской школой является знакомство Пушкина с Шенье ²⁾. Далее он идет по строго-национальному руслу, и взаимоотношение его с иноземными литературными направлениями становится сознательнее, объективнее и свободнее.

Как естественная реакция на французскую традицию последовали годы увлечения английской литературой. Здесь следует различать два момента: „байронизм“ первой половины 20-х годов и изучение английских поэтов, начиная с 30-го года. „Байронизм“ еще отличается несколько стихийным характером. Выдвинувшись в первые ряды русских поэтов в качестве автора „Руслана и Людмилы“, Пушкин естественно начинает разрабатывать проблемы поэмой формы, и здесь он скрещивается с Байроном. Совершенно естественно — наличные формы французской поэмы — оссианической и описательной — его не привлекают, т. к. внутри этих форм уже начинается разложение, ведущее к приемам романтической поэмы.

¹⁾ См мою статью в „Пушкинском сборнике памяти пр. С. А. Венгерова“ „Пушкин — читатель французских поэтов“.

²⁾ См. статью Л. Гросмана. „Пушкин и Шенье“ (сб. „Свисток“ кн. третья 1924 г.), дающего итог разработки вопроса. Впрочем, вопрос этот нельзя считать исчерпанным.

Роль Байрона в создании Пушкинской романтической поэмы подробно обследована В. М. Жирмунским в его обширной работе „Байрон и Пушкин“ — выдвинувшей на очередь ряд весьма существенных проблем, связанных с эволюцией поэмы на пороге XVIII и XIX столетия. Очередная задача изучения Пушкинского творчества — это осознание путей поэмы как в национальной среде, так и на Западе. Изучение это должно быть произведено на широком материале, т. к., очевидно, в этой области предстоит коренная ломка традиционных взглядов. Прибавлю, что вопрос этот вообще центральный в поэтике Пушкина, т. к. наибольшее влияние на современность оказали именно его поэмы, а не лирика и не проза.

Как я уже упомянул — в 30-х годах начинается новая полоса Пушкинского увлечения английской поэзией. Именно эту эпоху кропотливо изучает Н. В. Яковлев, давший ряд богато документированных этюдов, освещающих изучение Пушкиным английских современников ¹⁾.

К области того же изучения „иностранных влияний“ относится и рассмотрение вопроса об отношении Пушкина к античности (есть ряд работ на эту тему), к итальянской литературе (вопрос едва затронут) и другим европейским литературам. Следует отметить, что вопрос об отношении Пушкина к немецкой литературе почти не ставился под тем предлогом, что Пушкин плохо знал

¹⁾ См. „Пушкинский сборник“ памяти С. А. Венгерова. „Пушкин и его современники“ вып. XXXVI. Ряд работ Яковлева прочитаны им в научных обществах и в настоящее время печатаются.

немецкой язык. Однако нельзя отрицать отраженного влияния (сквозь переводы и подражания) германских романтических течений на литературные искания Пушкина — например, в прозе.

Возвращаясь к вопросу о национальных традициях в Пушкинском творчестве и о динамическом значении его поэзии в литературных группировках в середине 20-х годов (произведения 1825 г. „Борис Годунов“ „Граф Нулин“).

Этот поворот, сказавшийся как в тематизме, так и в языке Пушкина, проявившийся в процессе создания „Евгения Онегина“ и совпадающий в жизни Пушкина с его переездом на север в Михайловское, как известно, произвел некоторый переполох в современной ему критике, которая не успевала переосознать автора южных романтических поэм в новых главах его стихотворного романа.

Приблизительно с этой эпохи начинается, так сказать, внутренняя эволюция Пушкина, в которой он преодолевает уже не внешние традиции, а свои же собственные, перерастает свое собственное творчество.

Тем не менее, совершенно ясно, что полное понимание этой эволюции может быть лишь на фоне современных Пушкину интересов, — и тот факт, что искания его не были индивидуальными, изолированными, доказываются параллелизмом и эволюцией поэм хотя бы Баратынского. Любопытно, что именно к этим годам относятся и увлечение Пушкина Баратынским, который в свою очередь, упорно не хотел идти по путям, намеченным и расчищенным Пушкиным.

В области изучения „окрестностей“ Пушкина необходимо упомянуть работы Ив. Н. Розанова („Пушкинская плеяда“, „Поэты 20-х годов“ и др.).

Эволюция Пушкина в эти годы характеризуется разладом, обнаруживающимся между поэзией Пушкина и современной критикой. Это стимулирует Пушкина к выступлению на поприще журнализма, и несколько лет его жизни характеризуются его тяготением к определенной журнальной ориентации, не всегда совпадающей с поэтической линией, проводимой им в русской литературе.

Журнальные отношения 20-х и 30-х годов одно время были излюбленной темой исследования. При всем том и в этой области распутаны в лучшем случае личные отношения Пушкина к тем или иным журналам.

Пушкин не много подвизался на журнальном поприще. Несколько статей, помещенных в разных журналах, довольно вялое участие в „Литературной Газете“ Дельвига и Сомова 1830—31 г. и четыре номера собственного „Современника“ 1836 г. составляет весь его печатный багаж в этой области. Но до нас дошел богатый материал его критических суждений в рукописях. Его переписка с друзьями и множество разнообразных заметок, до сих пор не вполне опубликованных, являются свидетельствами его теоретических и критических взглядов. Все это до сих пор обследовано весьма поверхностно. Фундаментальный труд, произведенный Н. К. Козминым над критической прозой Пушкина в ее взаимоотношении с русской и западной журналистикой, составляющей основу ком-

ментария к IX тому Академического Издания сочинений Пушкина, до сих пор не может появиться в свет по временным условиям книгопечатания. Между тем—чувствуется насущная необходимость в опубликовании этой работы, т. к. без нее приходится наново проделывать изыскания, уже однажды сделанные.

Изучение критической мысли Пушкина в ее связи с соответствующими критическими направлениями Пушкинской эпохи в значительной степени расчистит путь для понимания историко-литературной деятельности поэта.

Со временем журнальной деятельности Пушкина 1830 года и позже совпадает дальнейшая эволюция Пушкинского стиля, ознаменованная „Болдинским“ периодом (осень 1830 г.), для которого характерно между прочим тяготение к прозаическим формам. Проза Пушкина, не воспринятая в свое время критикой, представляет симптоматическое и характерное явление его эпохи. Не произведя сразу ошеломляющего впечатления (вроде „Руслана“ или южных поэм), эти повести медленно, но верно внедрялись в сознание читателей и определяли традицию дальнейшей прозаической литературы. Достаточно напомнить то, как цитируется „Станционный Смотритель“ в „Бедных Людях“ Достоевского, чтобы понять, какую роль сыграла эта повесть в истории русской новеллы „о бедном чиновнике“, характерной для натуральной школы и для Достоевского в особенности.

Литературный генезис Пушкинской прозы и судьбы ее представляют особую проблему в историко-литератур-

ном изучении Пушкина. Здесь следует отметить работу Эйхенбаума в этой области („Сб. памяти С. А. Венгера“, „Сквозь Литературу“).

Проблема Пушкина в историко - литературной его функции чрезвычайно трудна. Гораздо легче понять роль и место второстепенного поэта, чем роль и место Пушкина, и вовсе не потому, что у него этого места нет, что он „не вмещался“ в свою эпоху, а главным образом потому, что воскрешение культа Пушкина в 80-х годах произошло уже на фоне полной разобщенности с Пушкинской эпохой. Пушкинские произведения стали орудием совершенно иной культуры. Тон, доминировавший на Пушкинских празднествах в 1880 году или на юбилее 1899 года был менее всего историчен. Проникновение Пушкина в школу, как средство воспитания, нейтрализовало Пушкина и сделало его неощутимым, незаметным. Поэтому чрезвычайно трудно в настоящее время преодолеть инерцию привычки по отношению к Пушкину и воспринять его в живой динамической форме, учесть революционизирующие принципы его творчества.

В этом отношении необходимо проникновение в поэтику и язык Пушкина. Изучения этого порядка только и могут создать прочную базу для исторической расценки его творчества. Как это ни странно, но в этом направлении не сделано почти ничего.

Язык Пушкина поражал современников своей пестротой, резкостью сочетания славянизмов с вульгаризмами и „прозаизмами“. Но ближайшие эпигоны стерли ощутимость языка Пушкина, канонизировав его лексику.

как единственно поэтическую. Лексика Пушкина не изучена. История опытов составления словаря Пушкина изложена С. И. Бернштейном в сборнике памяти С. А. Венгерова. Главным препятствием к составлению словаря является отсутствие критически проверенного издания сочинений Пушкина. Так Академия отложила этот вопрос до окончания своего издания. В Пушкинском семинарии С. А. Венгерова велась деятельная работа по словарю на основании брокгаузовского изд. (под ред. С. А. Венгерова). Ныне, когда известны дефекты издания Венгерова, обращение с этим материалом требует предварительной перепроверки по первоисточникам, т.-е. в сущности, нового переиздания текста Пушкина. Следовало бы, вообще, отказаться от осуществления сразу словаря по всем Пушкинским произведениям, ограничиваясь пока словарями к отдельным его вещам, напр. к каждой поэме в отдельности. При этом мы сталкиваемся со следующими трудностями. Язык Пушкина не был „правильным“ литературным языком его времени. И в орфографии и в произношении Пушкин постоянно отходит от орфографической литературной нормы в сторону архаизмов и живого произношения. Далеко не все Пушкинские формы были литературно приемлемы в печати. Поэтому в печати они при жизни Пушкина подвергались нивеллировке (скрыпит—скрипит, крылос—влирос, два дни—два дня, приблизился—приблизился, изо стола—из за стола и т. д.). Но так как в эпоху Пушкина твердых норм не было, то каждый корректор нивеллировал по своему. Так — в издании „Поэм и Повестей“

нередко одна и та же форма Пушкина передавалась различно в различных произведениях в зависимости от того, где произведение было напечатано впервые, т.-е. какой предварительной нивелировке оно подвергалось. При таких условиях—печатный текст не может быть единственным первоисточником. Нужна сравнительная критическая оценка печатных текстов и рукописей, которая даст твердые основания для расценки текстов, дошедших до нас в одной только печатной форме. Ясно, что для словаря все тексты должны быть приведены к одному знаменателю, дабы разность форм, происходящая от разнотипных корректур, не была принимаема за колебания в произношении и правописании поэта. Вот почему прежде чем приступить к составлению словаря по всем произведениям, необходимо составить один сравнительный словарь—но по всем источникам, имеющим характер первоисточников — по одному какому-нибудь произведению Пушкина.

С другой стороны словарь, безразборно объединяющий все произведения Пушкина, даст неправильное представление о языке Пушкина. Лексика произведений, предназначенных для печати, иная, чем лексика необработанных черновиков или переписки. Быть может, частные словари помогут лучше разобраться в лексических слоях Пушкинского языка, чем один общий словарь, как бы точно ни оговаривалось в таком общем словаре употребление того или иного слова. Общий словарь явится итогом частных словарных работ. Но с него не следует начинать.

Замечу, что словарь Пушкина не будет иметь полного своего значения, если он не будет сопровождаться словарной работой над другими поэтами—его предшественниками, современниками и наследниками, т.-к. основной момент — сравнительной оценки — в изолированном словаре отсутствует.

Более успешно продвинулась работа над грамматикой языка Пушкина. По крайней мере, мы имеем начало грамматики, сделанное проф. Будде. Правда, грамматика эта не удовлетворяет требованиям лингвистической критики; кроме того пр. Будде пользовался непроверенными текстами.

Так обстоит дело с изучением языка Пушкина.

Что касается поэтики Пушкина, то здесь наибольшее внимание привлекало до сих пор стихосложение Пушкина. Пионером в научной постановке вопроса о стихе Пушкина является Андрей Белый, давший в „Символизме“ ряд статей, определивших направление нашего изучения стихосложения. Работы А. Белого велись на сравнительном материале, но центральное место занимал Пушкин.

Среди позднейших работ по стиху Пушкина следует отметить обзор стиховых форм Пушкина, сделанный В. Брюсовым в брукгаузовском издании сочинений Пушкина (есть неточности в деталях), работу С. Боброва над стихом „Сказка о рыбаке и рыбке“ („Новое о стихосложении Пушкина“—работа вызывает принципиальные возражения), В. Чудовского „О ритме Пушкинской Русалки“ („Аполлон“ 1914 г. № 1—2), о „Евгении

Онегине“ („Несколько мыслей к возможному учению о стихе“, „Аполлон“ 1915 г. № 8—9). Упомяну и мои работы: „О стихе Песен Западных славян“ („Аполлон“ 1916 № 2), „Ритмика четырехстопного ямба Пушкина по наблюдениям над стихом Евгения Онегина“ („Пушкин и его современники“ вып. XXIX и XXX), „Пятистопный ямб Пушкина“ (Сборник „Поэтика Пушкина“ Берлин изд. „Эпоха“ 1923 г.).

Перечисленные работы отправляются от схем Андрея Белого и занимаются преимущественно вопросом о распределении лексического материала (ударений и словоразделов) в пределах стихотворной строки Пушкина. За пределами этих вопросов по стиху Пушкина сделано очень мало. Могу назвать только работу В. М. Жирмунского „Композиция лирических стихотворений“ (синтактикострофические параллелизмы у Пушкина) и Б. М. Эйхенбаума „Мелодика стиха“ (интонационная структура Пушкинских стихотворений).

К этому следует отнести работы по общим вопросам Пушкинской поэтики, где авторы попутно захватывают и вопрос о стихе: Корш „Разбор вопроса о подлинности окончания Русалки по записи Д. П. Зуева“, описания отдельных стихотворений, сделанные А. Белым (сб. „Символизм“) и С. Бобровым („П. и Е.-С.“ вып. XXVIII):

Вопросов эвфонии Пушкинского стиха касался В. Брюсов в статьях, вызывающих серьезные методологические возражения („Звукопись Пушкина“ „Печать и Революция“ 1923 г. № 2 ср. О. Брик „Звуковые повторы“ сб. „Поэтика“ и „Левизна Пушкина в рифмах“ „Печать и Ре-

волюция“ 1923 г. № 4). Лингвистический анализ Пушкинской рифмы дан С. Бернштейном („Сборник памяти С. А. Венгерова“, ср. Жирмунский „Рифма, ее теория и история“, Дурново „Записки по истории русского языка“. Известия Отделения Русского яз. и сл. Росс. Академии Наук т. XXIII кн. 2, мое „Русское Стихосложение“). С. Бернштейн в настоящее время усиленно работает над вопросом об эвфонии русского стиха (в частности Пушкинского).

К сожалению, по вопросу о стихосложении Пушкина приходится ограничиваться только библиографической справкой, т.-е. отдельные этюды в этой области еще не сведены в сколько-нибудь конкретные общие положения. Следует заметить, что в то время как лексика Пушкина поражала современников совершенной пестротой и новизной, создавая впечатление резкого диссонанса на фоне поэтической традиции, стихосложение его в ритмическом и эвфоническом отношении всегда признавалось необычайно „легким“ (незатрудненность Пушкинского стиха иногда ставилась ему в недостаток). В этом сказывается то, что Пушкин осуществлял какую-то естественную норму русского стиха начала XIX века, давая общее разрешение задачи стихового оформления речи. Поэтому — в изучении Пушкинского стиха как то ускользает его индивидуальность. Нетрудно, правда, проследить исторический генезис Пушкинской фактуры (предопределенной главным образом Жуковским, отчасти более старой традицией XVIII века), но эта локализация во времени не дает резкой индивидуализации стиха Пушкина.

Пушкин, Баратынский и Языков представляют 3 разновидности одного версификационного течения, причем Пушкин занимает какую-то среднюю, примиренческую позицию. Отсюда (особенно учитывая эпигонство XIX века) к Пушкинскому материалу подходили, как к некоторой норме русского тонического стиха и на Пушкинском материале строились общие утверждения о природе русского тонического стихосложения. Действительно, в стихах Пушкина наиболее совершенным образом осуществились какие то строгие законы речевого ритма, и на его материале мы почти совершенно гарантированы от непреднамеренного, технически неловкого ритма, который мог бы появиться, как компромис между метрическими нормами и упрямо неукладывающейся в стих мыслью.

Такому положению вопроса соответствует и отсутствие сколько-нибудь разработанного сравнительного материала по другим поэтам. Вообще же изучению стихосложения препятствует методологическая неразработанность всего вопроса в целом. Наше знание о Пушкинском стихе тесно связано с изучением русского стиха вообще, — а здесь, собственно говоря, все в будущем.

Вопросы теории Пушкинской прозы, равно как и вопросы тематики, находятся еще в зачаточном состоянии, Здесь можно упомянуть работу М. Лопато „Опыт введения в теорию прозы („повести Белкина“), („Пушкинист“ сб. III, имеется второе изд. Омфалос, Одесса 1918 г.)

В общем для литературы последних лет характерен сдвиг от „абсолютного“ Пушкина к сравнительно историческому его изучению. До сих пор типичен был под-

ход к Пушкинским произведениям, как к некоторым непреходящим, безотносительным ценностям, требующим исторической перспективы лишь в качестве некоторого второстепенного корректива; за последнее время внимание обращено на историческую роль Пушкина, на изучение его в среде литературных традиций его времени, и с точки зрения интересов его эпохи. Момент исторический выступает на первый план, момент безотносительно эстетический уступает ему свое место. Пушкин все реже и реже выступает в качестве „классика“, однообразно ценного для всех веков. Современное Пушкиноведение работает под знаком историзма.

Интерпретация Пушкина.

В творчестве Пушкина очень мало того, что мы называем „высказываниями“. „От кого бы я ни происходил, — образ мыслей моих от этого никак бы не зависел. Отказываться от него я ничуть не намерен, *хоть нигде доныне я его не обнаруживал, и никому до него дела нет*“. Так писал о себе Пушкин. Хотя здесь речь идет о социально-политических взглядах в узком смысле, но тоже можно сказать и о философском „мировоззрении“ и „мироощущении“ поэта. Свои взгляды Пушкин не обнаруживал и считал, что до них никому дела нет. Уже современники его, зараженные философским устремлением, ставили это в недостаток Пушкину, подчеркивая у него недостаток „мысли“. Неуловимость мысли Пушкина являлась досадным фактом для позднейшего ус-

воения его поколениями, для которых в литературе все заключается в „мысли“. Русская литература богата была всяческими проблемами и всяческой философией. Казалось немислимым, чтобы величайший поэт этими проблемами как раз и был беден. Для усвоения, ассимиляции Пушкина необходимо было его осмысление, примышление к Пушкину некоего „миросозерцания“, которое являлось бы своего рода паспортом для входа в литературу, патентом на звание русского классика. Неуловимость мысли только интриговала исследователей. Чем труднее задача, тем она заманчивее. Поэзия Пушкина являлась своего рода ребусом, который надо было разгадать, объектом для „углубления“.

Подобное углубление началось очень давно — элементы его можно найти еще в статьях Погодинского кружка при жизни Пушкина. Но там были лишь робкие намеки. Классическим опытом углубленной интерпретации Пушкина является блестящая речь Достоевского о Пушкине. Речь эта характерна для Достоевского — и идет вся мимо Пушкина. Далее у Достоевского, понятно, явились подражатели. „Вечные спутники“ Мережковского являют нам новое преобразование Пушкина. Окончательно утвержден этот метод углубления в работах М. О. Гершензона ¹⁾.

¹⁾ В настоящее время, отправляясь от Гершензона, по своему углубляет Пушкина русская школа Фрейда (Ермаков в Москве, Харазов в Баку). До сих пор русский фрейдизм в этой области дал лишь карикатурные произведения, а потому этого направления я касаться не буду.

Совершенно естественно, что лица, углублявшие Пушкина, всегда к величайшему своему удовольствию находили у Пушкина совершенное соответствие с собственным мировоззрением. В большинстве работ этого типа мы находим типичные самопризнания авторов в цитатах из Пушкина. Наиболее характерным примером этого является, например, брошюра „Пушкин и Христианство“ Вл. Гиппиуса (где, между прочим, о христианстве вообще ничего не говорится).

П. Е. Щеголев в одной из своих рецензий справедливо заметил, что промахи, заставляющие принимать туманно-идеалистические размышления Жуковского за пушкинские создания, органически связаны с методом исследования, в котором исчезает точный смысл изучаемого, и произведения Пушкина рассматриваются как загадочные картинки (см. „Квигя и Революция“ 1920 г., № 2, стр. 57 — 60).

Поскольку у исследователя ускользает объективная сторона произведений и выплывает на свет интуитивно вскрываемая „изнанка“, постольку вообще объект становится безразличным, ибо крайне просто и легко подвести любой базис под любое произведение, ибо этот базис не обусловлен произведением, а приклеивается к нему путем несложных софизмов.

Подобную же систему интерпретирования, путем подбора произвольных аргументов и догадок, имеющих источником единственно остроумие автора, а ни в коем случае не методологически защищенное от случайностей изучение, — мы встречаем в прошлом в изложении со-

циально политических взглядов Пушкина. Каждый автор присваивал своей партии Пушкина, подкрепляя это наудачу выхваченными цитатами и строя из этих цитат свою собственную систему. (Последним образцом этого опыта можно назвать книгу Н. Фатова, в которой Пушкин изображен анархистом).

Но эти работы имеют общего с философским и психологическим углублением Пушкина, пожалуй, только произвольность аргументации, (всем памятна система аргументации в критических статьях Мережковского) и стремление присвоить себе поэта. В остальном этот род работ обладает своими специфическими методами, своей логикой и методологией.

Основным методом в работах Гершензона является изобретенный им метод медленного чтения. Метод этот, соблазнивший многих последователей Гершензона, чрезвычайно заманчив, и выводы его кажутся неотразимыми.

Принцип „медленного чтения“ сперва применялся Гершензоном в его биографических изысканиях. Исходил он из презумпции „элементарной правдивости“ Пушкинской поэзии (поистине элементарной, если Гершензон отрицает самую возможность написания Пушкиным стихотворения о зиме в иное время года, и предлагает в соответствующем случае эту зиму понимать углубленно, как метафору и даже символ, единственно базирываясь на датировке стихотворения). Эта „правдивость“ давала возможность Гершензону улавливать в стихах биографические признания, на которых он и строил свою систему.

Нас здесь не интересуют биографические приемы Гершензона: по этому поводу уже говорилось в соответствующем месте. Но характерен переход от биографии к философскому углублению, при сохранении метода исследования. В основе такого мягкого и незаметного перехода лежит предпосылка о некоем целостном знании. А выражаясь проще — искомая глубина Пушкинского „мироощущения“ приравнивается к *фактам* его жизни, неразрывно связанным с его поведением. Как в биографических изысканиях обреталась гипотетическая система, интерпретировавшая внешнее поведение поэта, так здесь обретается система внутреннего, духовного поведения Пушкина — личности.

Медленное чтение применяется к разгадыванию загадочных картинок, к выискиванию „запрятанных“ намеков, к воссозданию того духовного строя, который объяснил бы закономерность этих намеков.

Медленное чтение процеживает текст для уловления этих намеков.

Позволю себе сделать несколько элементарных возражений против системы медленного чтения.

Дело в том, что художественная речь, особенно речь стиховая, ритмическая, обладает своим, присущим ей эстетическим темпом. Ускоряя и замедляя ее — мы разрушаем эстетический принцип ее построения, снимаем „конструктивный“ принцип. Это далеко не маловажный момент. Всем известно, что нельзя передать стихов прозой: выходит „то да не то“. Глубокомысленный афоризм в стихах становится плоским в прозаическом

изложении. Возможно и обратное: легкая стиховая метафора отягощается в прозаической речи, приобретая смыслы, вовсе не присущие ей в стихах.

Уже одно это показывает на опасность применения метода, меняющего темп художественной речи.

Имеются и другие, не менее важные возражения. Смысл принадлежит не словам, а фразам. Фраза имеет некоторое единство интонационного порядка, а одним из слагаемых интонации является темп. Замедляя чтение, мы как бы переакцентуируем (в смысловом, логическом плане) речь, разбивая ее на более мелкие фразы (ибо поневоле отягощаем ее остановками, логическими ударениями, смысловыми каденциями). Смыслы начинают копошиться там, где их не было, каждое слово начинает выскакивать из контекста, вырабатывая себе какую-то суррогатную фразовую среду.

Но в прочно построенном художественном произведении значение слова определяется всецело контекстом, который отсекает все паразитические ассоциации. Возникновение этих паразитических ассоциаций, насколько оно не построено на сознательном расчете (каламбур, двусмысленность и т. п.), есть порок художественного слова. Между тем — выделяя в нашем восприятии каждое слово из фразы, мы разбиваем контекст и тем самым даем полную свободу для разгула этих паразитических ассоциаций. При медленном чтении невольно возникает вопрос „а что это слово значит“ — и совершенно неизбежно вопрос этот разрешается не из минимума смысловых возможностей, определяемых контекстом, а из максимума

ассоциаций, возникающих в связи с данным изолированным словом. Ассоциации эти неизбежно субъективны, т. к. возникают в психике читателя, не являясь результатом взаимодействия автора и читателя. Субъективны они в том смысле, что характеризуют не произведение в его единственном значении, а самопроизвольно возникающие у читателя мысли, определяемые его, читательской, индивидуальной психикой. Отсюда понятно, почему медленное чтение всегда приводит к умильному созвучию душ читателя и автора. Просто — под объективное значение читатель подставляет свое собственное, и очень радуется, когда в собственных ассоциациях узнает себя.

Уже один механизм медленного чтения опорачивает подобный подход к произведению с целью его понимания (я принимаю медленное чтение для наблюдения грамматических форм, орфографии и т. п., приветствую его при корректуре, потому что корректору необходимо разбить апперцепцию слов по фразовому смыслу, чтобы обнаружить буквенную опечатку, — но протестую против медленного чтения, как средства *понимания* произведения, обнаружения его смысла).

В любом произведении есть масса словесного „упаковочного материала“ по выражению Л. В. Щербы. Фраза требует своего словесного наполнения, некоторой интонационной закругленности. Слова, достаточные для смысла, не достаточны бывают для фразовой наполненности. Являются „безразличные“ слова — постоянные эпитеты, стертые метафоры и т. п. Эти упаковочные

слова не осмысляются при чтении нормальном. Чтение медленное выдвигает упаковочный материал на первый план и заставляет его — хочешь не хочешь — так или иначе осмыслять. Получается перерасценка слов, перегрузка значений.

Так французы, когда слово „*amour*“ стерлось, заменили его словом „*les feux*“. Это слово в поэтическом языке потеряло метафорический оттенок, превратившись в поэтический термин со значением „любовь“. Естественно, что русские поэты переняли этот термин, и в груди каждого „зажглось пламя“ без всяких ассоциаций по первичному значению „зажигания“ и „пламени“. Слова эти имели в лучшем случае оттенок гиперболы. Но медленный читатель естественно будет вспыхивать о каждое пламя и дойдет до создания „термодинамической¹⁾ теории душевных движений“. И вот Пушкин награждается философией одного из греческих мудрецов, видевшего в огне начало всех начал. Но стоит медленно читателю заглянуть в другого поэта, напр. в Батюшкова, чтобы обнаружить, что этот греческий мудрец сидит и там. А отсюда — по календарю — делается выкладка,

¹⁾ Кстати — пора филологам отучиться от пользования терминами точных наук, мало им известных. В филологии вульгаризованы термины „динамика“, „статика“, „потенциальный“ и т. п. Меж тем у себя на родине слова эти значат совсем другое. В филологии они часто совсем ничего не значат. Это теперь осознается, но не до конца, и не так давно один проповедник „энтропий“ в духовной жизни жестоко высмеял другого психофизика, нашедшего три состояния идей, — твердое, жидкое и газообразное.

что Батюшков „влият“ на Пушкина, и влил в него именно это духовное начало термодинамики.

Хорошо, что в данном примере мы имеем в руках реальные факты, которые опрокидывают подобную аргументацию. Но гораздо хуже, когда медленное чтение оперирует невесомыми „флюидами“, углубляющими мудрость поэта.

Этот принцип в биографических и историко-литературных штудиях весьма невинен — ибо ему можно противопоставить научные методы, и всегда легко проверить выводы. Но в области неуловимого он положительно опасен.

Крупным дефектом „медленного чтения“ является установление фиктивных корреляций между внешне сходными элементами художественных произведений. Ложная корреляция есть результат произвольного сближения по вторичным признакам, а медленное чтение грешит именно переоценкой всего вторичного. Здесь я имею в виду последние работы В. Ходасевича — „Поэтическое хозяйство Пушкина“. В этих этюдах автор наблюдает „самоповторения“ Пушкина. Но при этом он пишет: „Каждая группа таких автореминисценций выявляет какую-нибудь сторону в личности и творчестве Пушкина, освещает *частность, мало известную или не замеченную вовсе*. Самоповторения у художника не случайны, не могут быть случайны. Каждое *вскрытое* пристрастие, — к теме, приему, к образу, даже к слову, — *лишняя черта в образе самого художника*. Черта тем более достоверная, чем упорнее высказано пристрастие. В сущ-

ности и здесь, как в точной науке, только повторность явления предохраняет от риска принять случайное за типическое“ (курсив везде мой).

В этой формулировке совершенно отчетливо выступает неизбежность того, что творчество Пушкина отразится в этом исследовании, как в кривом зеркале. Все второстепенное, неважное — вылезет на первый план. Все „лишние черты“ будут объявлены не только не лишними, но и заслуживающими самого внимательного рассмотрения. Если у Фрейдизма есть еще предпосылка, что именно в обмолвках и в дефектах речи (исключающих, а не завершающих замысел) вскрываются тайные пристрастия и подавляемые инстинкты, — то у аналитиков школы Гершензона и этой предпосылки нет. Единственно к чему они тяготеют вместе со школой Фрейда, это к подмене эстетического объекта психологическим, к замене изучения художественного значения произведения психологическим анализом личности поэта. Говоря про свое изучение, Ходасевич подчеркивает: „всего больше даст оно тому, кто интересуется психологией Пушкинского творчества“ (ср. „целостное знание“ Гершензона).

Но каковы причины самоповторений. В первую очередь это повторяемость упаковочного материала. Если безразлично, какими словами дополнить фразу, то берутся самые банальные, самые незаметные и недейственные слова. А репертуар таких слов весьма ограничен. Всякое относительно резкое слово заметно и действительно своей необычайностью и новизной. Незаметны только „общие“,

обычные слова. Все стершиеся метафоры и перифразы, все украшающие эпитеты — „юные“ и „милые“ девы, „златые“ луны и „темные рощицы“ сразу под лупой анализа самоповторений выползут из тех темных уголков во фразеах, куда запрятал их поэт. Банальщина, укрываемая поэтом (и необходимая, ибо только на фоне неощутимого полновесны и вняты его ответственные слова), заявит право на власть в художественном создании. Произойдет восстание банального. Гипертрофия внимания — это бедствие в научном изучении, ибо исследователю, поневоле принужденному читать текст внимательнее нормального, все время приходится бороться с самим собой, чтобы не впасть в буквоедство, не утратить живого восприятия произведения.

Другой источник самоповторений — это постоянная переработка собственных произведений. Из развалин старого, ненужного и незаконченного, отвергнутого из кодекса ответственных произведений, поэт создает свои цельные и ценные произведения. Удачный стих в интимной записочке, не предназначенной для включения в ряд прочных созданий, легко переносится в стихотворения первейшего значения. Но как оценить это самоповторение без точного знания истории текста, когда у исследователя под руками нет и издания, по которому он мог бы проверить авторский отбор. Ведь во всех изданиях сочинений Пушкина его черновики и случайные опыты перемешаны с законченными произведениями. А ведь в соответствующем случае чрезвычайно опасно говорить о самоповторении, когда мы имеем дело с раз-

рушением лабораторного опыта, из разломков которого создается совершенное произведение.

Я не буду останавливаться на иных частных методах „углубления“ Пушкина, полагая, что и перечисленное достаточно характеризует ту искажающую соразмерность частей работу, при помощи которой нетрудно наиболее ясное и прозрачное произведение превратить в ребус, в загадочную картинку. А какое значение может иметь разгадка явлений по существу не загадочных?

Обратимся к „положительным“ результатам подобных исследователей. Наиболее скромные из них (к каковым я причисляю в первую очередь М. Гофмана, как автора „Благословения бытия Пушкина“, произведения, проникнутого духом Гершензона, несмотря на резкую полемику, которую автор с Гершензоном ведет) — рисуют нам довольно скудную и плоскую „философию“ Пушкина. Жизнерадостность, способность отзываться на все, беззаветная любовь к жизни во всех ее проявлениях, бесконечная терпимость, притягивания „добра и зла“. Но такой пассивизм — в сущности худшее обвинение Пушкина. Характеристика эта по существу отрицательна. Отрицательна она и объективно, ибо всякое „мировоззрение“ предполагает какой-то выбор, разграничение „добра и зла“, какое-то действительное отрицание этого зла. Слащавая всеприемлемость отнюдь для Пушкина не характерна (уж лучше этот базис подводить под Жуковского). И во всяком случае с таким жалким „мировоззрением“ не только что лезть в классики, но вообще щеголять публично не особенно удобно.

Очевидно — не в этом „мудрость Пушкина“.

Эту мудрость упорно и тщательно вскрывает Гершензон. Надо сказать, что в последних его работах мудрость эта измельчала. И „сны“ и „тени“ и „пламя“ у Пушкина оказываются очень плоскими и декоративными. Поэтому я обращусь к наиболее „глубинной“ книге — „Мудрость Пушкина“, и возьму оттуда статью под тем же заглавием (первая в книге и вторая по оглавлению статьи).

Свою работу Гершензон сопровождает таким замечанием:

„Так учил Пушкин. Но он был поэт, а не философ. Мудрость, которую я выявляю здесь в его поэзии, конечно не создавалась им как система идей; но она была в нем, и наше законное право — формулировать его умозрение подобно тому, как можно начертать на бумаге план готового здания“. „Я формулирую имманентную философию Пушкина, и мое изложение так же относится к его поэзии, как географическая карта — к самой стране“. Здесь можно бы возразить против этих образных сравнений. Несомненно, что карта относится к стране, портрет к человеку, буква к слову несколько иначе, чем мудрость Гершензона к поэзии Пушкина.

Пушкин как-то писал Дельвигу: „Ты пеняешь мне за Московский Вестник — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее“. Вряд ли Пушкин благосклоннее выразился бы о той мудрости, которую формулирует Гершензон. Действительно:

„Самый общий и основной догмат Пушкина, определяющий все его разумение, есть уверенность, что бытие является в двух видах: как полнота, и как неполнота, ущербность“. „Полнота, как внутренне насыщенная, пребывает в невозмутимом покое, тогда как все ущербное непрестанно ищет, рыщет“. Доказательство: „Ангел“ у Пушкина не двигается и не смотрит, а только „сияет поникшею главою“, а демон „летает, смотрит и говорит“. Отсюда идет генерализация. Оказывается Моцарт тоже сияет поникшею главою, а Сальери летает, смотрит и говорит; то же самое происходит с Татьяной (полнота) и Онегиным (неполнота). „Что же это?“ спрашивает Гершензон — „Значит в Пушкине ожил древний дуализм Востока, и опять он делит людей на детей Ормузда и детей Аримана?“ На этот вопрос можно бы ответить, что до Ормузда и Аримана добираться рано, что во всей литературе XVIII века происходило твердое разграничение героев на положительных и отрицательных, на „сияющих“ и „летающих“, что против этого разграничения Пушкин решительным образом протестовал и в своем творчестве осуществил преодоление морально оценочных границ между добродетелью и пороком, и в этом его индивидуально Пушкинское устремление, а отнюдь не „в двух началах“, имеющих очень простой корень в композиции новеллы, требующей резкой эмоциональной окраски героев. Но Гершензон довольствуется провозглашением „основного догмата“ и продолжает его развивать: „по мысли Пушкина, ущербный бессилён исцелиться произвольно. Всякое желание и

действие проистекает из ущербной природы; поэтому взаплав совершенства и домогаясь его, ты этим новым желанием и действием только глубже погружаешь себя в ущербность“. „Пушкин всем своим умозрением проповедует обратное — квиетизм: оставайся в грехе, не прибавляй к своим желаниям нового и страстнейшего из желаний — желания освободиться от желаний, что и есть святость. Какое поразительное открытие“. („Мудрость Пушкина“, стр. 18 — 19). За этим открытием, на этот раз не доказываемым (очевидно это есть логический вывод из первой посылки, не требующий проверки на тексте Пушкина), Гершензон переходит к „недосказанным откровениям“: „ущербное в самом себе имеет потенциальную полную, оно одноприродно с совершенством“. Этот принцип относительности, недосказанный Пушкиным, влечет дальнейшие выводы: „Ущербность представляется Пушкину болезнью, когда внутри личности образовалось как бы противотечение. Но случается иногда, стихия вдруг, точно вулканическим взрывом, наполняет душу. Ничто так не волнует Пушкина, как зрелище этих потрясающих извержений“. Но на изучении извержений Пушкина автор не останавливается, а заявляет, что Пушкин „никогда не пробовал определить совершенства; но по всему соетаву его показаний должно заключить, что оно представлялось ему таким состоянием, когда стихийная сила равномерно распределена в личности, как бы гармонически циркулирует в ней“. После классификации совершенств Гершензон снова возвращается к теме о мудрости,

вообще: „поэзия хитра: она прикрывает сверху пучину разумной ледяной корой, которая радуется — и поглощает взор; а под корой уже свободно и всенародно плавают глубоководные чудовища“.

Самым глубоководным чудовищем, плавающим совершенно всенародно, является, понятно, эта „мудрость“. Но поэзия, конечно, не так хитра. Гершензон перехитрил поэзию.

По существу этой мудрости говорить здесь не место. Может быть это и мудро на самом деле, — во всяком случае мудрено. Но в каком отношении стоит эта мудрость к Пушкину? здесь уже совершенно ясно, что Пушкин и мудрость вещи разные, так как развивается она как цепь силлогизмов из первой посылки, и автор даже не прибегает к обычному методу интерпретаторов — высказыванию своих мыслей через цитаты из Пушкина. Для такой мудрости в Пушкине не нашлось подходящих цитат.

В основе подобного интерпретирования лежит порок „целостного знания“, которое оперирует литературными фактами, как фактами иного, не литературного порядка. Привычка к идеологической начинке в позднейшей литературе заставляет искать ее и в Пушкине, в то время, как у Пушкина всякая мысль оценивается как художественная тема, с точки зрения ее эстетических возможностей. Пушкина нельзя пересказывать, тем более делать логические выкладки на основе метафорического пересказа.

Гершензон, понятно, частный случай. Но случай соблазнительный и соблазвивший. В самом деле, какая

радость „какое поразительное открытие“ найти в Пушкине философский кодекс. С равным успехом в нем ищут идеологических кодексов и иного порядка (вплоть до кодекса уголовного: см. исследования о юридических взглядах Пушкина). Доколе мы будем оперировать с произведениями Пушкина, как с иносказаниями, мы будем неизбежно блуждать в дебрях разных мудростей, и гершензоновского и полярно противоположного ему типа.

Не ставя вопрос широко о правомочности подобного подхода ко всякому литературному произведению (ибо действительность приучила литературу всех видов к иносказаниям), я хотел бы подчеркнуть только то, что для Пушкина, представителя совершенно определенной литературной традиции, для поэта, не прячущего своей мысли, а наоборот, добывающегося исключительной ясности, подобные подходы решительно не годятся.

Пушкина надо читать не мудрствуя лукаво.

ДОПОЛНЕНИЯ.

Материалы к истории изданий стихотворений Пушкина.

В виду того, что излагаемая история изданий основана на неизданном и неразработанном материале, привожу здесь обзор документов, сопровождая их пояснениями, в части, неизвестной в печати.

А. «Капнистовская тетрадь».

Самая тетрадь нам неизвестна, но описание ее дано ак. Л. Н. Майковым («Известия Отделения Русского Языка и Словесности» за 1896 г. т. I). Варианты этой тетради сохранились в «Материалах к Собранию Сочинений Пушкина» Л. Н. Майкова, и в архиве П. Е. Ефремова в Пушкинском Доме (на экземпляре сочинений Пушкина изд. 1855 г. т. II). Тетрадь эта сшита в беспорядке, а именно: первые 8 листов тетради в ее первоначальном виде были оторваны и вложены между последними ее листами. Настоящий порядок будет установлен, если расположить листы так: с 12 по 18, затем с 1—8 и 19. При этом окажется, что утрачен первый лист тетради и лист между № 7 и № 8 (по описанию, т. е. между 14 и 15 по порядку).

Состав этой тетради таков (пополняя описание Майкова данными Ефремова): сперва следуют *Элегии*, отчасти переписанные (п), отчасти упомянутые (у). I элегия Пробуждение (утрачена), II Друзьям (п), III Морфею (п), зачеркнуто, IV Мечтателю (1818) (п), V Выздоровление (1818) (п), VI Черное море: Погасло дневное светило (1820) (п), VII Увы, зачем она блистает (1820) (п), VIII Мой друг, забыты мной (1821) (п), IX Война (1821) (п), X Я пережил свои желавья (1821) (п), XI Умолкну скоро я (1821) (п), XII Простишь ли мне (1823) (п), Гроб юноши (1821) (п) — с указанием: отнести к элегиям ¹⁾. *Подражания древним* I Дориде (п), II Таврида (у), III Муза (у), IV Нерейда (у), V Дионей (п), VI Дева (п), VII Ночь (п), VIII Приметы (п), IX Земля и море (у), X Красавица и зеркало (п), Дорида из Невского Зрителя (у), Сожженное письмо (п) — «поместить в элегии», Подражанье Шенье — (Ты вянешь) (1824) (п) «поместить в элегии», Подражание (Я видел смерть) (1816) (п) «В элегии». Далее вырваны листы, содержащие «Послания», между которыми было и «К Овидию». От посланий остался только конец: К К. (Кто мне пришлет) (1821) (п), Дочери Карагеоргия, с примечанием, что эти 2 послания можно поместить в смеси. Далее только перечень Смеси: Певец (1816), Баллада (т. е. «Русалка». Баллада) (1819), К Щербинину (1819), Домовому (1818) К Т... (стансы Толстому) (1820), Торжество Ваха (1818), Прозерпина (1824), Гроб Анакреона (1815), Песнь об Олеге, Демон (1823), Друзьям (Вчера был день...) (1822), Подражания Корану, К морю, Черная шаль (1820), Аделе (в примечании: «а не в альбом малютке», заголовок этого стихотворения в «Полярной Звезде» на 1824 г.). Далее идут отдельные стихотворения: Деревня (у), К Каверину (1817) в Послания (п), Телега жизни (у). Ко всему сделано примечание: «Заглавия «Смесь» не нужно». Далее идут 19 эпиграмм и подписей, вошедших в следующую тетрадь, кроме зачеркнутых «Клеветник без дарованья», «Иной имел мою Данаю» и упомянутого «Баратынскому из Бессарабии».

В переписке с братом Пушкин просил добавить еще «Кн. Голицыной - Суворовой» («Давно о ней воспоминанье»), «Воспоминания в Царском Селе», «Наполеон», «Птичка», «Дружба» (но в том же письме отказался от последнего).

¹⁾ Начиная отсюда, Пушкин переписывал после 14 марта 1825 г., когда он писал брату: «Элегии мои переписаны — потом послания, потом смесь».

Б. Тетрадь, представленная Плетневым в цензуру в сентябре 1825 г.

Тетрадь эта была в руках Анненкова и, может быть Ефремова. Содержание ее известно из письма Плетнева Пушкину 26 сентября 1825 (напечатанного в Академической Переписке Пушкина). Не вошли в нее «Морфею», «К Щербинину», «К Каверину», «Баратынскому из Бессарабии», «Голицыной-Суворовой». Порядок следующий:

Элегии. Элегии Капнистовской тетради переписаны в следующем порядке: I, IV, VII, VIII, II, V, IX, X, XI, «Гроб юноши», XII, «Я и идею смерть» (не вошло в издание 1826 г. и Пушкиным зачеркнуто). Далее 2 элегии добавленные против Капнистовской тетради, и здесь же Пушкиным зачеркнутые и не вошедшие в издание 1826 г.: «К ней» (В печальной праздности) и «Уныние» (Мой милый друг). Далее VI, «Сожженное письмо», и три отсутствующие в тетради Капниста: «Ненастный день потух», «Желание Славы» и «Андрей Шенье». *Разные стихотворения.* То же, что «Смесь» Капнистовской тетради. Порядок изменен. Дополнена тетрадь след. VII. Фонтану Бахчисарайского дворца, X Амур и Гименей, XI Романс (Под вечер осенью ненастной), XII Наездник, XIII Месяц, XIV Разлука, XVI Виноград, XXI Вакхическая песнь, XXV «О, дева роза». В издание 1826 г. не вошло I Воспоминания в Царском Селе, XI Романс, XII Наездник и XIII Месяц. Добавлено одно стихотворение «В альбом» (Если жизнь тебя обманет). *Эпиграммы и надписи.* Сохраняют в общем порядок Капнистовской тетради. Добавлены XIII Старик, XIV Веселый пир, XVIII Не спрашивай, XX Усы, XXI Жив, жив Курилка, Исключено из изд. 1826 г. «Усы», «Жив, жив». Последнее стихотворение не отмечено Анненковым в качестве устранившегося из тетради Пушкиным. Возможно, что оно изъято цензурой. *Подражания древним* сохраняют порядок Капнистовской тетради. В издании добавлено «Юноша» (из Сафо) и сделана одна перестановка. *Послания* (17 посланий). Одно из них «К Н.Я.П.» («На лире скромной благородной») не вошло в изд. 1826 г., но не отмечено Анненковым в качестве зачеркнутого Пушкиным. Вероятно, устраниено цензурой.

В. Подготовительные списки к изданию 1829 года ¹⁾.

1) к Давыд.	— Совет, движение, кукушка, дружба.
к Барат.	Прозаику.
к —	Идиллику.
к Кн. Гал.	Песни о С. Раз.
к Языкову	Нет! не черкешенка
к — — — Яз—, кто тебе внушил	Зачем безвременную скуку
Твое посланье удалое	Великой скорбью томим
Иамена	Наташа.
к Керн А. П. К.	19 дек.
к Гр. Ол.	Подр. Восточн. Стих.
к Зине.	К Родз.
к Морфею	в Альбом П. А. О. ²⁾

Написано на черновике письма Бенкевдорфу 24 апреля 1827 г. Так как сюда включены «Песни о Стеньке Разине», запрещенные «высочайшей ценаурой» в августе 1827 г., то этими датами и определяется время его составления. Большинство стихотворений вошло в следующий список. Не вошли: «К Гр. Ол. (к графу Оливару?)», «к Зине» (вероятно: «Вот, Зина, вам совет»; впрочем, возможно, что это то же, что стих. следующего списка «Зин. Волконской», т. е. «Среди рассеянной Москвы»), «Песни о Стеньке Разине», «Зачем безвременную скуку» (м. б. это «Элегия» № 7 следующего списка), к «Родзянке».

Остальные названия следует расшифровывать так: «кн. Гал.» — *Голицыной - Суворовой* «Имена» — «*Коварность*», «Идиллику» — «*Новому Гесснеру*», «Великой скорбью томим» — «*Пророк*», «Наташа» — «*Жених*», «19 дек.» — *19 октября* (вероятно описка), «Подр. Восточн. Стих.» —

¹⁾ Списки эти напечатаны по автографам собрания Л. Н. Майкова П. О. Морозовым («Пушкин и его Современники» вып. XVI стр. 114 и дальнейшие), но весьма неполно и небрежно, так что невозможно было сделать по этой публикации никаких выводов. Поэтому перепечатаваю их здесь в исправленном виде.

²⁾ На этом же списке, но позднее, занесен подсчет, приведенный выше (см. стр. 11).

«В крови юрит» и «Вертоград моей сестры», «в Альбом П. А. О.» — «Быть может, уж недолго мне».

Что касается приписки ко второму посланию Языкову, то она объясняется тем, что первая редакция этого послания (28 августа 1826 г.), начиналась со стихов:

Языков, брат! Я получил
Твое посланье удалое.

Припиской Пушкин изменяет редакцию этого начала.

- 2)
○ 1 Вы нас уверили поэты.		
∞ 2, 3 Барат.	51 Сленину.	27 Стансы —
— 4 Керн	52 Кипренск.	28 К Тим.
+ 5 19 окт.		29 Измена —
○ 6 дева		33 Сов.дв. кук. др.
		34 Идиллику.
○ 7 элег.		35 Нет не черк.
8 Прозаику.		
∞ 9 Языкову.		
∞ 10 Языкову.	— 36 Пророч.	
11 Волк. Зен.	— 37 Подр. вост.	
— 12 Ночной Зеф.	38 в Альб. Ос.	
+ 13 Жених.	39 Морфей.	
+ 14 Фауст.	○ 40 Медлитель-
но —	
— 15 Пока не тре-
бует	+ 41 Череп.	
∞ 16 Давыдову.	— 42 Талисман.	
	— 43 Недоконч. карт.	
17 К. Сув. Фал.	— 44 На день рожд.	
○ 18 <i>Насмерть Р.</i>	46 Ты и вы то
Dow.	
— 19 Ангел.	○ 47 Бдение.	
20 Соловей и ро-
за.	48 Из Мицк.	
— 21 Художник
варвар.	— 49 Зимн. Путь.	
22 Гондолиер.	∞ 50 Глинке.	
23 Озеро.	26 Щерб.	
+ 24 Вадим.		
∞ 25 Каверину.		

Список написан на обороте черновика «Только что на проталинках», и по видимому относится к концу мая 1828 г. т. к. самые поздние стихи, внесенные в список, относятся ко второй половине мая 1828 г.).

Роль значков (○, —, + и ∞) разъяснена выше (см стр. 11) Список значительно полнее предыдущего, и очень близок к подсчету на полях первого списка ¹⁾. Очевидно, составляя этот список, Пушкин имел под глазами и первый. Номера расставлены позднее, так как против строки, соединяющей несколько стихотворений, стоит № с пропуском промежуточных: так 2, 3 обозначает 2 послания Боратынскому, 33 после 29 обозначает 4 стихотворения: «Совет, движение, кукушка ²⁾», дружба» (Морозов читал: «Совет для кукольной драмы»), 46 после 44 — 2 стих.: «Ты и вы» и «То Dow». Из 52-х стихотворений в издание не вошли: одно из посланий Языкову, кн. Голицыной (17), Каверину (25), Щербинину (26), Тимашевой (28), Идиллику (34), Морфей (39), «Медлительно влекутся» (40), Глинке (50) и Кипренскому (52), итого 10 стихотворений. Кроме этих стихотворений в издании 1829 г. добавлено против издания 1826 г. 1 стихотворение 1825 г. («Примите Невский Альманах»), 4 стих. «Разн. годов» и написанные вероятно после составления списка 11 стихотворений 1828 года и 1 стихотвор. 1829 г. Таким образом Пушкин сильно сокращал и почти не дополнял круг предназначенных к изданию стихотв.

Значение каждого отдельного названия разъяснено Морозовым, причем он допустил некоторые ошибки: № 6 не может означать «Девы» 1821 г., т. к. она напечатана в изд. 1826 г. Очевидно это — «Буря» («Ты видел деву на скале»), № 47 не «Стихи, сочиненные ночью», т. к. они написаны осенью 1830 г., а «Воспоминание» 1828 г. («Когда для смертного»). № 36 — несомненно «Пророк» (ср. предшествующий список). Загадку представляет лишь № 23 — «Озеро». Пред-

¹⁾ В связи со значением разметок, надо полагать, что «к Щербинину» приписано после разметок и подсчета и, следовательно, нумерация стихотворений произошла еще позже. Тогда данные подсчета совпадают со списком.

²⁾ Т. е. «Соловей и Кукушка» 1825 г. — Эти четыре стихотв. напечатаны в изд. 1832 г. подряд.

положение Морозова, что это — «Русалка» 1819 г. неверно, т. к. «Русалка» напечатана в изд. 1826 г. Ничего, оправдывающего это название, не включено в изд. 1829 г. ¹⁾

Г. Подготовительные списки к изданию 1832 года.

1) + Брожу ли я. Я вас узнал. Я ехал к вам.	[Из радуги]. Насекомые. +++ Юсупову.	К портр. Зав. [Гекз. 2]. Труд. Ц. С.
+ Филарету.	Каверину 1817.	Рифм.
+ Соб-ой.	[Глаза 1828].	Рыб.
+ Когда твои младые лета.	Видок Фигл.	+ Анониму.
+ Сонет 3.	Анчар.	Осень I окт.
+ Поедем, я го- тов.	Я вас любил.	К ЕУ.
+ На холмы Грузии.	Бог помочь.	Дорожн. стихи.
Каченовск. 3. Как пе- чатью.	Дар напрас- ный.	15 год.
Надежд. I.	[Глаза] Нас было мно- го.	<i>Октавы.</i>
+++ 2 ноябр. Олегов щит. Счастливы ты.	+++ Бесы. Аквилон. Делибаш.	Булгар. Заклин. [Герой].
Под Ижоры.	Благосл. но- воселье.	Обвал.
Седой Хв.	Я жить хочу.	Дон.
+ Зимнее ут- ро.	+ Кавказ.	К Клеветн.
+ Зимн. вечер. [Дельвигу 4].	Казбек. Цыганы.	Головщ. Бород. Эхо.
Фаргат - Бе- ку.	Пью за здр.	

¹⁾ Для разыскания этого произведения может служить указующим моментом то, что оно принадлежит к разряду «мелочей».

С боку приписано:

Глаз

Какой в них огонь! Какой в них гений!..

Список написан на обороте черного письма родителям от апреля 1830 г., когда он вероятно и начат. Записи разновременны. Окончен он в первых числах сентября 1831 г. (время написания «Бородинской годовщины» — 5 сентября 1831 г.).

Названия отчасти разъяснены Морозовым. Так, «Соб—ой» обозначает «Что в имени тебе моем», «2 ноября»—«Зима, что делать мне», «Под Ижоры»—«Подъезжая под Ижоры», «Седой Хв.»—«Седой Свистов», «Из радуги»—«Тимашевой» (напечатано в альм. «Радуга»), «Фаргат-Беку»—«Не пленяйся бранной славой», «Насекомые»—«Собрание насекомых», «Юсупову»—«К вельможе», «Я жить хочу»—«Безумных лет угасшее веселье», «Рыбак»—«Отрок», «Дорожные стихи»—«Дорожные жалобы», «15 год» первоначальное название «Паж или 15 год». Морозовым неверно прочтено: «Осень 1 окт.» (Можно подумать 1 октября) вместо «Осень I окт. (т. е. первые октавы), «О красы» вместо «Октавы» (т. е. «Домик в Коломне»), «К N» вместо «К E. W.». Дело в том, что здесь E и W вплетены в одну монограмму. Эту монограмму мы нашли еще в рукописях Пушкина 1826 г. С нее же начинается подпись французского письма Пушкину из Одессы от 26 декабря 1833 г. (См. Шляпкина «Из неизданных бумаг А. С. Пушкина» стр. 186) и очевидно буквы эти обозначают инициалы Елизаветы Воронцовой.

Приписка к имени Каченовского (которую Морозов неверно читает «как печатаво») есть несомненно вариант начала эпиграммы «Как сатирой безымянной», т. е.

Как печатью безымянной

Лик зоила я пятнал.

Точно так же—приписка к перечню есть вариант к стихам «Ее глаза», т. е. вместо «Какой задумчивый в них гений» Пушкин предполагал изменить «Какой в них огонь, какой в них гений»¹⁾.

¹⁾ Список этот напечатан Морозовым по какому-то недосмотру в совершенно неверном порядке, что усугубляется еще замечанием, что в нем, по сравнению со следующим, «несколько изменен и самый порядок стихотворений».

- 2)
<p>+ Брожу ли я 1829.
Я вас узнал 1830.
Я ехал к Вам 1829.
× + Соб-ой 1830.
+ Когда твои младые лета
1830.
+ Три сонета.
+ Поедем, я готов 1829.
+ На холмы Грузии 1829.
× 3 эпигр. на Кач.
× 1 » на Над.
+ 2 ноября 1829.
+ Олегов щит 1829.
+ Счастлив ты 1829.
+ Под Ижоры 1829.
× Сед. Хв.
+ Зимнее утро 1829.
+ Зимний вечер 1825.
× + Фаргат-Беку 1829.
Насекомые 1829.
× + Юсупову 1830.
× Видок Ф. (2) 1830.</p> <p>Анчар 1829.
+ Я вас любил 1829.
Бог помочь 1828.
+ Дар напрасный: 1828.
Нас было много.</p> | <p>Бесы 1829.
Аквилон 1824.
Делибаш 1829.
+ Благосл. новос. 1830.
Я жить хочу 1830 ×</p> <p>+ Кавказ' 1829.
+ Казбек 1829.
+ Обвал 1829.
+ Цыган. 1830.
+ Here's a health 1830. ×
Экзам.
 { К Дельв. ×
 { Труд 1830.
 { Статуя.
 { Рифма.
 { Рыбак ×</p> <p>+ Анониму 1830.
Осень в деревне 1830.
В последний раз 1829.
Заклинание 1828.
Для берегов чужбины
etc. 1828.
Дону 1829.
К клеветн. Р. 1831.
На вз. Варшавы 1831.
Эхо 1829.
Каков я.</p> |
|---|---|

Беловая копия предыдущего списка с некоторыми изменениями. Кроме зачеркнутых уже в I списке («Дельвигу», «Тимашевой», «Ее глаза», «Герой») исключены еще «Филарету» («В часы вабав»; впрочем, стихотворение это вошло в изд. 1832 г.), «Каверину», «К портр. Зав.», «Дорожные жалобы» (вошло в изд. 1832 г.), «Паж или 15 год», «Домик в Коломне» (вошло в «Поэмы и повести»). Переставлены: эпиграмма на Булгарина, присоединенная к эпигр. «Видок Фиглярин» и против этой строки поставлена цифра 2, «Обвал» перенесен непосредственно к другим кавказским стихам; приписано «Для берегов»... и «Каков я прежде был». Расставлены даты не все точно: по крайней мере ряд дат Пушкин в печати изменил, другие расходятся с датами автографов. При переписке некоторые названия менялись.

Так в частности, вместо «к Е. В.» читаем «В последний раз». Очевидно, стихотворение это, печатаемое под произвольным названием «Расставание», посвящалось Елизавете Воронцовой.

Из этого списка не вошли в издание 1832 г. I эпиграмма на Коченовского, I эпиграмма на Надеждина, «Седой Свистов», обе эпиграммы на Булгарина, «Нас было много» («Арион»), «Аквилон», «Безумных лет», «Осень», «В последний раз», «Заклинания», «Для берегов отчизны ¹⁾ дальней», итого 12 стихотворений из 56. Вошли в издание, кроме значащихся в списке, «Дорожные жалобы», «В часы забав» (из I списка), «Калмычка», «Пир во время чумы», «На перевод Илиады», «Моцарт и Сальери», «Сказка о Царе Салтане», «Узник», «К Языкову» («Издrevле сладостный союз — это послание было намечено к изд. 1829 г., но не вошло в него»). Итого 9 произведений, в том числе 2 из первого списка, 3 больших произведения, списком лирических стихотв. не отмеченных, 1 — из прежних списков, и только 3 вообще не предусмотренных списками.

Прямые крестики, вероятно, отмечают произведения, находившиеся у Пушкина в печатном виде, т. к. все отмеченные напечатаны до сентября 1831 г., все же напечатанные, начиная с сентября 1831 г. — не отмечены. Впрочем — некоторых печатных стихотворений Пушкин или не имел под руками, или не помнил, где они появились, так как около 6 стихотворений, не отмеченных, были напечатаны до сентября 1831 г. Этим определяется дата составления списка ²⁾. Крестиков в первом списке меньше, чем во втором, вероятно, потому, что при составлении второго списка Пушкин разыскал еще несколько печатных экземпляров своих стихов. Значение косых крестиков неясно ³⁾.

¹⁾ В списке первоначальная редакция: «Для берегов чужбины».

²⁾ Точнее ее можно определить временем между написанием и напечатанием стихотворения «Бородинская годовщина», т. е. между 5 и 14 сентября 1831 г.

³⁾ Позволю высказать предположение, подсказанное мне И. С. Зильберштейном, что косые крестики означают стихотворения, к коим должно было быть подыскано соответствующее название, т. е. которые в список занесены под условным заголовком. В большинстве случаев это вызывается необходимостью маскировки собственных имен.

История списков и изданий показывает на кропотливое и тщательное процеживание и отбор стихотворений. Характерно, что относительно целого ряда стихотворений Пушкин все время колебался, ввести ли их в свое собрание или нет (напр., «Каверину», «Голицыной-Суворовой», «Тимашевой», «Морфей» и др.), но каждый раз решал вопрос отрицательно. Целый ряд стихотворений так в результате и не появился в печати (напр., трилогия 1830 г.: «Для берегов», «В последний раз», «Закливание»), и состоящие автографы показывают, что Пушкин и не доделывал их до окончательного вида. Некоторые стихотворения, ненапечатанные им, после составления перечня перерабатывались, но исправления не доводились до конца (напр., «Паж», «Для берегов»), ибо, очевидно в процессе обработки Пушкин отказывался от мысли печатать эти стихи.

К вопросу об участии Пушкина в „Литературной Газете“.

Прямые свидетельства современников, пушкинские автографы и т. п. дают возможность установить принадлежность Пушкину следующих статей из «Литературной Газеты».

1) № 1 (1 января 1830 г.) «В конце истекшего года...» (некрология Раевского)¹⁾. Сохранился автограф Пушкина: Румянц. муз. № 2382 л. 17.

2) Там же «Князь Вяземский перевел и скоро напечатает славный роман Бенж. Констана» (биографическая вероятность принадлежности статьи Пушкину выдвинута Н. О. Лернером. См. «Пушкин и его современники» вып. XII, стр. 126).

3) № 2 (6 янв.). Рецензия на «Илиаду» в переводе Гнедича (авторство подтверждается прямым указанием в № 12 «Лит. Газ.» и автографом Пушкина № 2382 л. 28).

4) № 3 (11 янв.). «В одном из наших журналов...» (о литературной критике) (автогр. № 2382 л. 29).

5) № 4 (16 янв.). Об «Истории Русского Народа» статья 1 (подписана Р. Имеется свидетельство Вяземского. См. «Русский Библиофил» 1914 г. апрель).

¹⁾ Статьи большею частью появлялись без названий. Проставляю в скобках условные названия, данные этим статьям позднейшими издателями (Анненковым и Вфремовым).

6) № 5 (21 января). О «Юрие Милославском» Загоскина (автогр. № 2382 л. 80, 79 и 77).

7) Там же, «Французские журналы» (о записках Самсона) (автогр. № 2382 л. 78).

8) № 7 (31 января). «Недавно в одном из наших журналов...» (О разговоре у княгини Халдиной) (автогр. № 2382 л. 76).

9) № 8 (5 февраля). Об альманахе «Денница» (свидетельство Вяземского. См. «Нива» 1914 г., № 22, стр. 430—33 статья А. Г. Фомина).

10) № 10 (15 февраля). «Некоторые журналы...» (о статьях кн. Вяземского) (автогр. № 2382 л. 72).

11) Там же О «Карелии» Глипки. (Доказана принадлежность Пушкину Гофманом и Замковым. См. «Пушкин и его Современники»—вып. XXIII—XXIV и XIX—XXX).

12) № 12 (25 февраля) О разборе Илиады.— подписано А. Пушкин.

13) Там же. Вторая статья об истории Полевого (очевидно, того же автора, что и первая. Впрочем в «Л. Г.» были и другие статьи об истории Полевого, Пушкину не принадлежащие).

14) № 20 (16 апреля). О Видоке (авторство указано в «Литературной Газете»).

15) № 45 (9 августа). Пушкин участвует в отделе «Смесь», где ему приписывается заметка: «Новые выходы противу так называемой Литературной Аристократии» (воспоминания А. И. Дельвига¹⁾, свидетельство Гаевского по неизвестным нам источникам).

16) № 32 за 1831 г. (5 июня). Статья о сочинениях J. Delorme (S-te Beuve). Подписана Р. (Авторство доказано Н. О. Лернером).

Итак — 16 статей, из них 8 — за январь 1830 г., 5 за февраль и 3 разновременны. Если сопоставить с этим, что

1) Впрочем, воспоминания А. И. Дельвига в этом пункте сбивчивы. Он рассказывает, что Пушкин вместе с Антоном Дельвигом написал заметки в № 36 и 45. Но Пушкин не мог участвовать в составлении заметки № 36, так как его не было в Петербурге в это время. Что же касается до участия в № 45, то и воспоминания А. И. Дельвига и показания Гаевского сходятся в одном — Пушкин принимал участие в составлении заметок «Смеси», однако, доля участия его не указана.

Пушкин был в Петербурге до 4 марта (за это время—с начала января—около 5-го до середины февраля Дельвиг уезжал, и Пушкин редактировал газету вдвоем с Сомовым), и затем с 19 июля по 10 августа, после чего вернулся в Петербург только в мае 1831 года, то окажется, что все статьи Пушкина в «Литературной Газете» появились за время его пребывания в Петербурге. Одно исключение—статья о Видоке, но здесь вопрос разъясняется записью в дневнике Погодина от 18 марта 1830 г.: Пушкин «давал статью о Видоке и догадался, что мне не хочется помещать ее (о довозах, о фискальстве Булг.), и взял». Итак—заметка эта 18 марта была предложена в «Московский Вестник» и вследствие нежелания Погодина печатать ее—переслана в «Литературную Газету». Она появилась здесь за невозможностью напечатать ее в другом месте.

В издании Анненкова объединены следующие статьи: 3, 6, 8, 12 (в V томе издания) и в дополнительном VII томе помещены еще 5, 7, 14, 15. Кроме того, перелагая ответственность на А. Грена, он перепечатывает так-называемый «Анекдот о Байроне» из № 53 (18 сентября 1830 г.). Мистификация Грена была разоблачена, и этот анекдот, продержавшись в изданиях Геннади и Ефремова, был позже устранен из собрания сочинений Пушкина, пока его, по новому недоразумению, не ввели в собрание сочинений под ред. Венгерова.

В таком составе статьи Пушкина перепечатывались и Геннади. Надо сказать, что в 1857 году Анненков еще обладал возможностью «по свежим следам» установить авторство Пушкина—ему помогал в этом Вяземский.

Ефремов, перепечатав все эти статьи, присоединил к ним в изд. 1882 года еще следующие: 1, 4, 10 (очевидно принадлежность их Пушкину стала ему известна из рукописей Пушкина, переданных в 1880 г. в Румянцевский Музей) и кроме того следующие статьи: из № 12 «Англия есть отечество каррикатуры», из № 16 (27 марта) «В третьем номере «Московского Вестника» на нынешний год... (о гекзаметрах Мерзлякова), из № 20 (6 апреля) «Требуется ли публика...» (о личностях в критике), из № 36 (25 июня) «С некоторых пор журналисты...» (о неблагоприятности нападок на дворянство). Однако Ефремов не привел никаких аргументов в пользу принадлежности их Пушкину. Можно попятно догадаться, что Пушкин мог написать статью о каррикатуре в № 12 (хотя тон возражения Полевого в № 6 «Московского

Телеграфа» заставляет думать, что Полевому был известен автор, и автор этот не был Пушкиным), но совершенно нет оснований, чтобы Пушкину принадлежали 3 другие статьи, написанные в отсутствие Душкина. Статья о гексаэдрах Мералякова ближе затрагивает Дельвига, чем Пушкина, и скорее принадлежит именно Дельвигу, что же касается статьи в № 36, то она является продолжением полемики, начатой в «Газете» Вяземским и принадлежит или Вяземскому или Дельвигу. Пушкин к ней совершенно не причастен. Здесь играло роль сходство этой статьи с другой статьей в № 45, к которой был причастен и Пушкин (насколько можно судить по воспоминаниям—он написал ее совместно с Дельвигом). Но это сходство лишь подтверждает что и к той, и к другой статье имел отношение Дельвиг, но отнюдь не принадлежность обеих статей Пушкину. Статья из № 20 введена по явной аналогии со статьями № 36 и № 45.

Ничем не подкрепленная догадка Ефремова принята как незыблемая истина всеми издателями.

За последнее время приписывались Пушкину и отчасти введены в собрание его произведений под ред. Венгерова следующие статьи:

из № 18 (27 марта)—заметка о «Русских шутках»;

из № 20 (6 апреля)—о VII главе Евгения Онегина;

из № 23 (21 апреля)—«Все благоразумные люди...»

из № 24 (26 апреля)—«Мне всё советуют...»

из № 38 (5 июля) рецензия на «Василия Шуйского» Станкевича.

из № 53 (18 сентября)—Анекдот о Байроне (см. выше);

из № 55 (28 сентября)—«История о божьем короле» К. Нодье.

из № 60 (23 октября)—«La confession» Жюлья Жанена.

Все они напечатаны в отсутствие Пушкина, что уже подозрительно. Заметка № 18—весьма незначительный выпад по адресу «Северной Пчелы». Poleмику против «Пчелы» вел главным образом Сомов, которому эта заметка, вероятно, и принадлежит.

Заметка из № 20 написана Дельвигом, как об этом сохранилось свидетельство Гаевского, слышавшего заметку с автографом Дельвига ¹⁾.

¹⁾ Экземпляр «Литературной Газеты», размеченный Гаевским, хранится в Пушкинском Доме.

Заметка из № 23—редакционная декларация, лежащая в тесной связи со статьей Вяземского в том же № о Полемике. Ему же вероятно принадлежит и эта декларация. Надо сказать, что и автор, приписавший эту заметку Пушкину, пишет: «С равными основаниями можно приписать эту заметку кн. П. А. Вяземскому» («Пушкин и его современники» вып. XII), но Пушкина в Петербурге не было, значит основания не «равные».

Заметка из № 24 представляет собою сплошной перевод с французского какого-то известия о Байроне, заключенный выпадам против «Северной Пчелы». Аргумент — что один Пушкин мог интересоваться Байроном — вряд ли удачен, так как в «Литературной Газете» есть много переводов с английского (в № 9 подписано В. Б. Шев (Бурнашев) в № 10—подпись Ш. (Шигаев?), в № 19—статья Романовича о Лукреции Давидсон. Специальные о Байроне материалы в №№ 13, 14 и 15 как из французских источников, так и из английских).

Заметка № 38 писана Дельвигом. Автограф его был у Гаевского.

Заметка № 53 о Байроне приписана была в свое время Греном. Это — сомнительного качества религиозные lamentации, с Пушкиным общего ничего не имеющие. Напоминают манеру Сомова.

Заметка из № 55 — длинейший перевод французской рецензии, характерной для журнального обозревателя, отнюдь не для Пушкина.

Заметка из № 60 — отчасти перевод, отчасти изложение «Исповеди» Жюль Жанена, сделана, вероятно, переводчиком, поместившим в №№ 61 и 62 переводы отрывков из этого романа.

Ясно, что нет никаких оснований приписывать Пушкину эти заметки. Из всех высказанных за последнее время догадок самой вероятной является принадлежность Пушкину примечания к стихотворению «Собрание насекомых» из № 43 (30 июля — Пушкин в это время был в Петербурге), так как совершенно естественно, что никто, кроме автора, не мог комментировать это стихотворение так, как это там сделано.

Но если «догадываться», то позволительно заподозрить Пушкинскую руку в следующих заметках: в № 6 в смеси есть заметка о «Карелии» Глипки, очень близкая по тону с отзывом Пушкина об этом произведении, помещенном в № 10; в № 7 рецензия на Сен-Марса, включаемая без вся-

ких оснований в сочинения Дельвига (в соч. Дельвига включена, между прочим, рецензия на «Монастырку», написанная Вяземским. Кстати, в своей книге о Дельвиге Ю. Верховский приписал две рецензии из № 72 «Литературной Газеты» 1830 г. Но этот номер вышел в свет после 4 февраля 1831 г., т. е. после смерти Дельвига, и рецензии эти написаны Сомовым). По крайней мере — Дельвиг за своим отсутствием ее не писал, а посвящение половины рецензии восторженному отзыву на роман Манцони «I promessi sposi» заставляет вспомнить свидетельство А. П. Керн: «тогда только что вышел во французском переводе роман Манцони «I promessi sposi» он (Пушкин) говорил об них: «Je n'ai jamais lu rien de plus joli» («Пушкин и его современники», вып. V, стр. 156).

Любопытно также «Письмо Калиника Чупрынского» в том же номере, где, между прочим, цитируется «La Guzla» Мериме как раз на тех страницах, которые позже Пушкин целиком перепечатал при «Песнях Западных Славян». В № 11 заметка «Кажется, Русским любителям чтения...» дает перечень книг, входивших в круг острых интересов Пушкина. В № 12 рецензия на «Невский Альманах», печатаемая в сочинениях Дельвига, но им, конечно, за отсутствием не написанная, своей характеристикой поэзии Языкова напоминает Пушкина. Но обо всем этом можно только гадать.

Кстати — в своих Матерьялах Анненков высказал следующее (Сочинения 1855 г т. I, стр. 298 примеч.): «Литературная Газета 1830 и 1831 г. заключает две статьи, подписанные буквою Р, какой был подписан впоследствии Скупой Рыцарь Пушкина и Пиковая Дама. Первая есть разбор Истории Русского Народа Г. Полевого. Вторая есть рецензия произведений С. Бева. Мы не приписываем их Пушкину, не имея для этого никаких данных, но находим в них сходство с его образом мыслей». Первую статью через два года сам Анненков включил в собрание сочинений Пушкина. Вторую, по этому указанию, обследовал Н. О. Лернер и признал ее принадлежащей Пушкину. Однако, Анненков ошибся, указав на 2 только статьи за этой подписью. В «Литературной Газете» 1831 г. есть еще две статьи за этой подписью. Появились они в отсутствие Пушкина, но в то время, когда Плетнев умолял Пушкина и Вяземского поддержать хиреющую газету своим участием: «Вудь в каждом ее номере хоть пять строчек то острых, то умных, и тем она уже поднимется над братьею своею». Первая заметка

написана в защиту Снегирева, которого впоследствии Пушкин приглашал в свой «Современник», и направлена против «Московского Вестника», с которым у Пушкина были в это время натянутые отношения. Заметка эта упомянута в № 21 «Литературной Газеты» в качестве принадлежащей «почтенному нашему корреспонденту». Для ее понимания необходимо иметь в виду статью в последней книжке «Московского Вестника» за 1830 г. (отдел «Критика» стр. 146—164).

Другая статья—имеет в виду «Современную Библиографию» «Московского Телеграфа» (1831 г. № 5, стр. 85—93 и 96). Приведу эти статьи с постановкой вопроса об их принадлежности:

«Литературная Газета» 1831 г. № 18 от 27 марта, стр. 148.

Въ Московскомъ Вѣстникѣ на 1830 годъ (ч. VI, стр. 146) напечатано письмо о Лативской рѣчи Г. Снѣгирева. Авторъ письма доказываетъ, что слово: *Jubilaeus* есть имя прилагательное, а не существительное. Это не совсемъ справедливо: *Jubilaeus* есть имя существительное, произведенное отъ Еврейскаго слова. Между разными значеніями, ему присвоенными, значить оно *прощенье* (*remissionis munus*). Употребляется оно и какъ прилагательное, на пр. *jubilaeus annus, jubilaem festum*. Но *юбилей*, возобновленный Папами въ XIV столѣтіи, праздновался не въ продолженіе года, а черезъ 100, потомъ черезъ 50 лѣтъ; слѣдственно Г. Снѣгиревъ не ошибся и нелзя не пожалѣть, что журналистъ напечаталъ безъ примѣчанія бранчивое письмо на почтеннаго Профессора. Не имѣя рѣчи подъ руками, разбирать ея не могу, и въ знаніи Критика оной не сомнѣваюсь; но первое слово рѣчи критиковано имъ напрасно. Р.

«Литературная Газета» 1831 г. № 27 (11 мая) стр. 221.

Издатель Телеграфа въ Журналѣ семь на 1831 годъ, въ V книжкѣ, на стр. 85 и 96, весьма невыгодно отзывается объ Общей Риторикѣ Кошанскаго, о Теоріи Краснорѣчія Галича, о Статистикѣ Европейскихъ Государствъ Зябловскаго. И хотя объясненія Критика довольно обширны, но едва ли кто-нибудь пойметъ: почему разбираемые имъ сочиненія недостаточны и (стр. 85) «недостойны мыслителей нашего вѣка?» Но уже извѣстно, что Г. Полевой напрасно не гнѣвается: непременно надобно быть какой-нибудь причинѣ! Взгляните со вниманіемъ и увидите, что всѣ вышепомянутые Профессоры начали свои сочиненія тысячелѣт-

нимъ анахронизмомъ, что издали книги свои совсѣмъ не въ томъ вѣкѣ, который принадлежитъ Г. Полевому. По высоко-взгляднымъ расчетамъ Г. Полеваго (стр. 93), отъ времени Гезіода до нашего вѣка минуло 4.000 лѣтъ; но Гезіодъ жилъ до Р. Х. за 1000, а по выкладкамъ другихъ за 900 лѣтъ, слѣдственно послѣ Р. Х. минуло до нашего вѣка по разчисленію Г. Полеваго не 1830, но 2830 лѣтъ; а Гг. Профессоры означили изданіе ихъ сочиненій просто 1830-мъ годомъ!

Нѣкоторые скажутъ, что самъ Издатель Телеграфа (стр. 87) не знаетъ, о чемъ говорить, и что ошибка его не стоить вниманія. Конечно! но если явная ошибка его не стоить вниманія, то почему же онъ обращаетъ невыгодное вниманіе на такіа сочиненія, въ которыхъ не указываетъ ни малѣйшей ошибки?

Еще на минуту обратимся къ вопросу: справедливо ли на стр. 87-й Издатель Телеграфа говорить о себѣ, что онъ самъ не знаетъ, о чемъ говорить? Это правда; что правда, то правда: противъ этого и спорить грѣхъ; но сверхъ того, Издатель Телеграфа величайшій мастеръ на каждой строкѣ и почти въ каждомъ словѣ выказывать свое незнаніе. На прим. на стр. 86, существующее нынѣ преподаваніе Словесныхъ Наукъ называетъ онъ схоластическимъ, варварскимъ, и на пяти страницахъ наговоривъ всякой всячины, на 91-й заключаетъ: «Настоящая Риторика можетъ быть слѣдствіемъ только философической, всеобщей и Руской Грамматики». Что жъ такое философическая, всеобщая Руская Грамматика? Та же самая, которую преподають въ Рускихъ Учебныхъ заведеніяхъ; но у которой въ заглавіи надобно впредь писать: *Философическая, всеобщая Руская Грамматика*. Развѣ именительный падежъ не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть падежъ именительный? развѣ Руское единственное число не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть число единственное, развѣ настоящее время не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ есть время настоящее? развѣ невѣжда не на всѣхъ языкахъ въ свѣтѣ имя существительное ¹⁾. Или на стр. 90-й: «Зачѣмъ въ Риторикѣ толковать о силлогизмѣ? Предѣлы Риторики— знаніе внѣшнихъ формъ». Да развѣ силлогизмъ не форма?

Отъ Аристотеля и Платона до Цицерона, отъ Цицерона до Августина, отъ Августина до Томазія, отъ Томазія до

¹⁾ Выкиньте изъ общихъ Грамматикъ Антесигнана, Бозе, Якоба и прочихъ все лишнее, и останется простая Руская, къ общимъ правиламъ примѣненная Грамматика.

Канта, отъ Канта до нашего Мерзякова, имѣемъ мы передъ глазами до 40 особыхъ превосходныхъ твореній объ Эстетикѣ; но они не отвергаютъ существующаго нынѣ систематическаго преподаванія наукъ, безъ котораго не можно даже и читать съ пользою тѣхъ 40 твореній объ Эстетикѣ. Въ немъ для изложенія всякой мысли, всякаго чувства, всякой страсти, всякаго движенія души, постановлены ясныя и особыя формы, изъ самой природы извлеченныя; и чего жъ больше? Пусть оное поправляютъ, какъ кому угодно; но не уничтожаютъ. Говорить и дѣлать — двѣ вещи совсѣмъ разныя: пусть Издатель Телеграфа безъ шума, безъ порицанія другихъ Писателей, напишетъ Курсъ Словесныхъ Наукъ по своей новой системѣ, въ которой бы ни одна наука нигдѣ и ни въ чемъ не смешивалась съ другою; и если оный Курсъ найдется удовлетворительнѣе прежнихъ, то за нимъ будутъ и честь и слава и общее употребленіе.

P.

Библиография литературы о Пушкине за годы революции ¹⁾.

Библиографические обзоры.

Н. К. Пиксанов. Пушкинская студия Изд. 2-е «Атеней» 1922.

М. А. Цявловский. «Критика и история литературы за 1921—1922 г.» «Литературные Отклики» «Книгоиздательство Писателей в Москве».

Б. Томашевский. Новое о Пушкине «Литературная мысль» Сб. I.

Е. Ляцкий. Пушкиноведение в России «Новости Литературы» 1922 г. № 1.

Н. Д. Эттингер. Пушкин в Зарубежных изданиях. «Книга о Книгах» 1924 № 5--6.

И. В. Владиславлев. Русские писатели. Гос. Изд. Ленинград 1924 (Приложение: «Литература революционного периода» стр. 398—401).

А. Багрий. Литературные поминки. Владикавказ 1923.

Я. Назаренко. Пушкин в эпоху революции. «Жизнь Искусства» 1923 г. № 5.

Н. Гудзий. Пушкинская литература в послереволюционные годы «Книга о Книгах» 1924 № 4.

Тексты Пушкина.

Неизданный Пушкин. Собрание А. О. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. «Атеней» 1922, стр. XXXII + 235.

¹⁾ Так как библиография Пушкина за последние годы чрезвычайно обширна, то привожу здесь лишь работы библиографического характера, которые помогут ориентироваться в литературе о Пушкине, а также несколько аннотированных заметок, касающихся основных трудов, выпущенных за последние годы и не упомянутых в тексте книги.

То же. Государственное издательство, Москва. Петроград 1923, стр. XXIV + 241.

В издании имеется несколько вновь опубликованных отрывков, стихотворений и заметок, изданных с возможной тщательностью, и все отрывки прокомментированы в достаточной степени.

К сожалению, качеству издания не благоприятствовали условия его печатания: рукописи читались не с оригинала, а с фотографий и даже цинкографий, что не обеспечивало исправности чтения. Кроме того, препятствовала исправности издания некоторая спешка, с которой оно осуществлялось. Таким образом в издании имеются ошибки. Приведу некоторые.

«Новый Тарквиний» (стр. 42—62) есть ошибки в орфографии: следует *чикмень* (а не чекмень), *сентября, нужинь* (рифма ужин), *каляска* (а не коляска), *кряхтитв надз чемоданомъ*, *la Martine прости ей боже* (с маленькой буквы), *разрывв, ахъ мой боже, рассказала*. Кроме того пропущены варианты:

1) Его широкое лицо.

Довольной важностью сияет (первая переделка стих. 7—8).

2) Вой волчий, стужа — то то щастье (ст. 25).

3) Той что кормилицей была (ст. 50).

4) Теперь сидит перед окном (ст. 52).

5) Отрада тетушки моей (ст. 59).

6) Пред окнами возникшей дракой (ст. 63).

7) Печально, чинно под дождем (I редакция ст. 67).

Меж тем печально под дождем (II ред.)¹⁾

8) Пока весь дом кругом хлопочет (ст. 118).

9) С новейшам пасквилом Гизота (ст. 129).

10) Подвинув ближе свой прибор (I ред. ст. 144).

И к ней подвинув свой прибор (II ред.).

11) И вышивает и кроит (198).

В одном стихе опечатка: *Пока не повернула крана* (следует: отвернула. Ст. 233).

Близ мест где царствует.

В примечании указано в качестве описки «плывя». На самом деле это вариант 3-го стиха «При блеске Веспера, плывя по лону вод». Пропущен вариант ст. 8 «Умеет веседить...»

1) Этот стих в окончательной редакции «Меж тем на грязи под дождем» напечатан с ошибкой — «од II окном»

Евгений Онегин. Не отмечено, что на листке со строфой «Когда то странник вдохновенный» (стр. 73 — 74) имеется перазборчивая программа: Свадьба Семейственн. причин. Эд. к. Что их тог. Лестница (?) чувств.

Продолжение Ю д и ф и. 9-й стих, оставленный непрочитанным, имеется в рукописи, в редакции:

И встал тогда сынов Аммона
Военачальник Ахюр.

VII глава «Арапа Петра Великого».

Два последние абзаца должны поменяться местами («Ты не помнишь...» продолжение речи Валериана, «Э-э-э, вскричал он...» — ответ Густава Адамовича). В этом отрывке вместо «не делал» следует читать «наделал» (пропущено «не»), вместо «в темной» следует «в этой самой».

К р и т и к о ю у н а с.

Фраза от «Сии» до «принадлежащая» представляет собою подстрочное примечание. Таким образом слова «У нас сие невозможно» следуют непосредственно за «для толпы, или для малого числа».

Je vous supplie (стр. 223).

Здесь есть ряд искажающих смысл опечаток. Напечатано «amis» следует «amis», вместо «avbienteuscine—«avoientauscine»; после слов «qui s'écrie» напечатано отсутствующее в автографе «qui crie». После «Qui s'écrie» следует в особую строку по русски — «Мне миг — » 1). Вместо (par veraab.) следует (par bassaise). Вместо «Je demande seulement gait» — «Je demande seulement quel est le trait». В той же строке вместо «Lun» — «Lui», в предпоследней строке вместо «contrae» — «contre».

Из этих, взятых на выборку, исправлений видно, что «Неизданный Пушкин» не может считаться окончательной работой над рукописями Онегинского собрания. Работа еще предстоит на самих автографах, после их перевозки из Парижа в Ленинград.

Второе издание представляет собою фототипическое воспроизведение первого. Изменено предисловие и сделана в виде приложения транскрипция трех отрывков, не вклю-

1) Начало 18-й строфы оды Державина «Вельможа»:

Мне миг покоя моего
Приятней, чем в истории веки...

ченных в первое издание. Оба издания почему-то пропустили хранящийся в Онегинском Собрании автографический список произведений, относящийся к 1829 г. и представляющий первый проект собрания сочинений. Вот этот список:

3.000	Руслан и Людмила (1820)	10
700	Кавк. Плен. (1821)	10
600	Бахч. фонт. (1822)	10
300	Братья разбойники (1822)	5
600	Цыганы (1824)	5
500	Гр. Нулин (1825)	5
1.300	Полтава (1828)	10
3.000	Бор. Годунов (1825)	—
	Мелк. стихотв.	20
	Онегин	45

Левая колонка — число стихов в каждом произведении, правая — цена. И те и другие цифры округлены. Цена Онегина (еще не законченного в 1829 г.) взята из расчета 9 глав по 5 руб. глава. Список относится, вероятно, ко времени издания двух частей стихотворений (июнь 1829 г. на это указывает цена 20 — по 10 рублей за часть) и во всяком случае составлен раньше отдельного издания «Вориса Годунова» (декабрь 1830 г.), так как его цена не указана. Ср. списки, в рук. Рум. Муз. № 2372, л. 66 и 61, № 2374 л. 20, Майковск. Собр. (списки Рум. Муз. комментированы в описании Якушкина не совсем точно: число стихов принято за цены, а цены приняты за число листов, список Майк. Собр. напечатан Морозовым в сб. «Пушкин и его совр.» вып. XVI. См. выше стр. 18).

М. Л. Гофман. Пропущенные строфы «Евгения Онегина», стр. 344.

М. Л. Гофман. Посмертные стихотворения Пушкина 1833 — 1836 г. стр. 77.

Обе работы объединены в издании «Пушкин и Его современники» вып. XXXIII — XXXV Пбрг. 1922.

В первой работе даны транскрипции всех строф, не вошедших в окончательную редакцию «Евгения Онегина». Это — результат многолетнего и кропотливого труда. Некоторые промахи, вызвавшие резкую критику, не уменьшают большого значения опубликованной работы, разъясняющей

историю создания романа. К работе приложен ценный указатель всех автографов Евгения Онегина по строфам. (Есть пропуск: в Майковском собрании имеются черновики XVIII и XIX строф восьмой главы).

Меньшее значение имеет вторая работа, дающая «канонический» текст нескольких стихотворений Пушкина последних годов. В такой работе, выпускаемой во исправление всех предыдущих, ошибок и опечаток быть не должно, между тем в ней найдется до 10 существенных промахов, из которых некоторые отсутствовали в ранних изданиях тех же текстов. Работа требует перепроверки.

Литературные портфели I Время Пушкина. А. С. Пушкин. Коллективное письмо 1817 г., стр. 19 — 25, Письмо к А. А. Дельвигу (марта 1827 г.) стр. 80 — 85. Комментарий В. Л. Модзалевского.

Первое — незначительная приписка к письму лицейстов С. С. Фролову, второе — чрезвычайно любопытный документ с отзывом о философских увлечениях «Московского Вестника».

Наш Труд. Сборник литературы, драмы и критики. Москва. 1924. Номер второй. «Новая статья Пушкина (Пушкин о Гоголе)» доклад В. П. Красногорского.

Анонимная статья Пушкина, помещенная им на стр. «Современника» 1836 г. в ответ на обзорение Гоголя. — Это наиболее ценное приобретение Пушкинского текста последних лет. См. «Атеней» сборник первый и второй.

«Русские Пропилеи» Том 6. Москва 1919. Напечатана полностью одна из лицейских тетрадей первого выпуска, дающая много Пушкинских стихотворений в точных и исправных редакциях. Есть неизвестные прежде варианты. Текст дан без комментария. (См. «Дела и Дни» кн. III, рецензия М. Л. Гофмана).

Пушкин. Домик в Коломне. М. Л. Гофман. История создания и текст «Домика в Коломне». Труды Пушкинского Дома. «Атеней» 1922.

Приведена транскрипция всех автографов произведения. Доказана необходимость печатать «Домик» в редакции, печатавшейся при жизни Пушкина, без пополнений по черновикам. Есть легкие ошибки в деталях, комментарий несколько поспешен. Тем не менее — это одна из наиболее интересных книг по тексту Пушкина.

А. С. Пушкин. Медный Всадник. Ред. П. Е. Щеголева изд. Общества Популяризации Худ. изданий (иллюстрации Велуа). Пгрд. 1922.

Очень интересная попытка реставрации первой (законченной) редакции «Медного Всадника». Хотя принципиальные утверждения П. Е. Щеголева спорны, но приводимый им материал имеет бесспорно глубокий интерес. Останется ли текст Щеголева в изданиях Пушкина или нет, — чрезвычайно важно было опубликовать его полностью.

К вопросам текста.

М. Л. Гофман. Пушкин. Первая глава науки о Пушкине. «Атеней». Петербург. 1922 г.

То же. Издание второе дополненное. 1922.

Книга Гофмана произвела в свое время сильное впечатление, как попытка манифестировать и популяризировать принципы текстологии по отношению к Пушкину. Вызвала она к себе далеко не ровное отношение (так см. ответ В. Брюсова в ж. «Печать и Революция» № 2 «По поводу одной критики», рецензии в журнале «Библиографические Листы», и в сборнике «Феникс» книга первая).

Биография.

Пушкин. Очерк жизни и творчества. Труды Пушкинского дома. Изд. «Петроград» 1924 г. Стр. 115.

Хорошо составленный популярный очерк, принадлежащий труду Н. В. Измайлова и В. Л. Модзалевского. Очерк этот, вероятно, будет еще неоднократно переиздаваться. Авторы очень хорошо сделали, ограничившись жизнеописанием, и сознательно избегая историко-литературных и историко-культурных оценок. Можно лишь упрекнуть, что этот принцип не доведен до конца, и кое где проглядывают так называемые «общепринятые» оценки, которые часто не обладают никакой объективностью и происхождение которых различно (характеристика «Рыцаря бедного» по Достоевскому ст. 62 анализ единства замысла драматических сцен ст. 64, провозглашение фантастики, как основы искусства, стр. 78, оценка современной Пушкину критики как публицистической, что представляет собой явное недоразумение, стр. 101, объяснение «невежественностью и недобросовестностью», интерес в критике 20-х годов к лексике Пушкина, стр. 55, произвольное определение жанров «Повестей Белкина» стр. 63, оценка Алеко, как «отвергнутого» автором героя стр. 32, указание на источник лицейского творчества, стр. 16—17 и т. д.). Сохранены некоторые легенды, напр., о том, что первые стихи Пушкина посланы в печать его товарищами (стр. 17) (см. заметку Бонди в сб. памяти Венгерова), или о чтении последней «Лицейской Годовщины» (стр. 83). Эти

отдельные места не портят всей книги в целом, так как они не связаны органически со всем построением книги.

К книге приложена библиография.

Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором (новые материалы). Изд. Парфенон. Петроград 1922 г.

В этой книге перепечатада статья Модзалевского из журнала «Былое» (1918 г. № 1) с приобщением материалов, опубликованных А. Шиловым в том же журнале (1918 № 2). Материалы интересны для характеристики полицейского наблюдения за Пушкиным.

А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Труды Пушкинского Дома. Гос. Изд. 1922 г. 115 стр.

Здесь использованы преимущественно полицейские материалы, относящиеся к последним годам жизни Пушкина. Книга дает некоторые дополнительные детали к классическому труду П. Е. Щеголева «Дуэль и Смерть Пушкина» (последнее изд. 1917 г.).

Дневник Пушкина. Гос. Изд. Москва. Труды Государственного Румянцевского Музея. Выпуск I. Текст (35 стр.) и комментарий (543 стр.). Комментарий принадлежит В. Саводнику и М. Сперанскому.

Дневник Пушкина. Гос. Изд. Петроград. Труды Пушкинского Дома. Текст (27 стр.) и комментарий (274 стр.). Комментарий принадлежит Б. Л. Модзалевскому и П. Е. Щеголеву (вступительная статья «Пушкин о Николае I»).

Творчество Пушкина.

Пушкинский сборник памяти С. А. Венгрова (А. Г. Фомиц, С. А. Венгеров. С. Б. О Пушкинском Словаре, М. К. Клеман. Текст Лицейских стихов Пушкина. Н. В. Измайлов. Политическая эпиграмма лицейской эпохи. Ю. Г. Оксман. Сюжеты Пушкина. С. М. Бонди. Три заметки. Д. И. Выгодский. Из эвфонических наблюдений. Б. М. Эйхенбаум. Путь Пушкина к прозе. Ю. Н. Тынянов «Ода Хвостову». Н. В. Яковлев Об источниках «Пира во время чумы». А. Л. Слонимский О композиции «Пиковой Дамы». А. С. Долинин П. и Гоголь. А. Л. Бем Отклик петрашевца на смерть Пушкина. Б. В. Томашевский П. — читатель французских поэтов. М. Л. Гофман Окончание элегии «Ненастный день потух». Е. Г. Кислицына К вопросу об отношении Пушкина к религии. В. П. Драганов. Приписываемые Пушкину эпиграммы на Фотия. Д. П. Якубович. К стихотворению «Тайся пещера...» В. М. Жирмунский Бай-

ровизм Пушкина. Б. И. Коплан К стихотворению «Пророк». С. И. Бернштейн О методологическом значении фонетического изучения рифм). Госуд. Изд. 1923 г. 360 стр.

Сборник разнообразный. Преимущественно мелкие статьи.

Пушкин и Достоевский. Изд. «Дома Литераторов». Петроград 1921 г.

Содержание: Декларация о ежегодном праздновании памяти Пушкина. «О назначении поэтов», речь А. Блока, «Колеблемый треножник» В. Ходасевича, «Общественные взгляды Пушкина» А. Ф. Кони, «Проблемы поэтики Пушкина» В. М. Эйхенбаума.

Пушкин. Сборник первый. Редакция Н. К. Пиксанова Государственное Издательство. Москва—1924.

(Н. К. Пиксанов. П. и О-во Любителей Росс. Словесности. П. Н. Сакулин. Памятник нерукотворный. М. О. Гершензон, Сны Пушкина. В. Я. Брюсов. Пушкин — мастер. Л. П. Гроссман. Онегинская Строфа. М. А. Цявловский. Тексты Гаврилады. Н. Ф. Бельчиков. П. и Гнедич в 1832 г. В. В. Баранов. Новый текст «Мадонны». Хроника. Н. Н. Фатов. Описание П. автографов б. Рум. муз).

В этом сборнике особенно интересны статьи Сакулина (полемика с Гершензоном о «Памятнике») и Бельчикова (о стихотв. «О Гомером долго ты», с приложением факсимиле автографов). Что касается описания рук. Рум. муз., то пока дано описание только одной страницы.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Издания Пушкина	5
Источники текста	35
Биография	56
Историко-литературное и теоретическое изучение творчества	73
Интерпретация Пушкина	91
Д о п о л н е н и я:	
Матерьялы к истории изданий стихотворений Пушкина	108
К вопросу об участии Пушкина в «Литературной Газете»	118
Библиография литературы о Пушкине за годы революции	127
